

ВНЕ ПРОТОКОЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Роберт Т. Колдунов

18+

Роберт Колдунов

Вне протокола

<https://litres.ru/74636227>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третья книга из серии "Место под кожей"

После смерти Аурелии Итан пытается построить жизнь заново.

Он хочет создать место, где оборотни смогут получить помощь и поддержку без страха перед людьми и собственным прошлым. Но пока новое пространство постепенно оживает, сам Итан всё сильнее теряет контроль над тем, что происходит внутри него. Метка от утраченной пары приносит боль, которой он не может найти объяснения.

Каллен, пытаясь помочь другу и сохранить привычную работу, берётся за историю Сайлы — её мать однажды попыталась убить собственного ребёнка, а её отец долгие годы хранил молчание, скрывая правду о том, что произошло.

Но пока они ищут ответы в чужом прошлом, город начинает меняться. Страх перед оборотнями становится инструментом власти, а Итану приходится решать, кем он останется — человеком, который помогает другим, или существом, которого сами оборотни начинают видеть иначе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	45
Глава 4	60
Глава 5	80
Глава 6	100
Глава 7	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Вне протокола

Глава 1

Каллен стоял на балконе, опершись локтями о холодный бетон, и медленно тянул дым, не глядя на сигарету. Город внизу жил ровно — машины шли плотным потоком, кто-то спорил у подъезда, где-то хлопнула дверь, и всё это складывалось в привычный фон, который больше не раздражал и не успокаивал. Просто был. Воздух тянул прохладой, но он не возвращался в квартиру, хотя кожа на предплечьях уже начала покрываться мелкой, едва заметной шероховатостью.

Снизу кто-то засмеялся слишком громко, резко, и звук на секунду выбился из общего ритма. Каллен перевёл взгляд, не всматриваясь, потом вернул его обратно в пустоту над дорогой. Сигарета догорала быстрее, чем он тянул, пепел держался слишком длинной полосой, прежде чем отломиться и упасть вниз, растворяясь в воздухе.

Телефон завибрировал в кармане не сразу заметно — сначала просто сдвинул ткань, потом дал короткий, настойчивый толчок. Каллен не полез за ним мгновенно, сделал ещё одну затяжку, выдохнул в сторону улицы и только после этого достал аппарат, глядя на экран с той же неторопливостью, с какой до этого наблюдал за дорогой.

Сообщение было коротким.

«Есть дело. Нужно встретиться. Адрес пришлю позже. Нашим всем написал.»

Он перечитал его один раз, не меняя выражения лица, потом ещё раз, уже медленнее, проверяя, не добавится ли между строк что-то ещё. Номер был знакомым. Слишком.

Пальцы чуть сильнее сжали корпус телефона, но хватка тут же ослабла, как будто это движение было лишним. Каллен провёл языком по внутренней стороне щеки, не отрывая взгляда от экрана, и на секунду задержал дыхание, не делая из этого паузы.

— Полтора месяца... — шепнул он себе под нос, — чёртов сукин сын...

Он не считал дни, но тело помнило ритм отсутствия. Ни звонков, ни случайных пересечений, ни слухов через третьих — ничего. И теперь он появился так, будто ничего не было. Как будто тот вечер в баре не закончился обрывом. Каллен коротко усмехнулся, без звука, и убрал телефон обратно в карман. Сигарета почти догорела до фильтра, тепло уже подбиралось к пальцам, но он не спешил её выбрасывать, доводя до конца по инерции.

Раздражение появилось не резко, а как лёгкое смещение внутри — не вспышка, а сдвиг. Не на сам факт сообщения, а на то, как оно было написано. Без объяснений. Без паузы. Без попытки хотя бы обозначить, что произошло.

Рука сама вернулась к карману, пальцы нащупали телефон. Он достал его, задержал в ладони, взвешивая, стоит

ли вообще сейчас что-то делать, и только после этого провёл большим пальцем по экрану, открывая список контактов. Имя Сайлы находилось почти вверху. Нажал без колебания, но телефон поднёс к уху не сразу, давая гудкам пройти один, второй. В этот короткий промежуток он успел опереться плечом о стену, чуть сильнее, чем нужно.

Она ответила быстро.

— Представляешь, кто решил объявиться? — сказал Каллен, не тратя время на приветствие, голос ровный, чуть хриплый после дыма, без нажима.

Пауза на том конце была короткой.

— Уже видела, — ответ Сайлы прозвучал так же спокойно, без удивления в интонации, хотя дыхание на секунду стало глубже. — Сообщение с адресом пришло?

Каллен опустил взгляд на экран, хотя текст уже стоял перед глазами.

— Да... И, судя по формулировке, он решил не утруждать себя объяснениями, — он провёл пальцем по краю телефона, неосознанно, чувствуя гладкую поверхность. — Нашим, говорит, написал.

С той стороны не последовало ни смешка, ни комментария. Только короткий выдох, почти незаметный.

— Мне тоже пришло, — сказала она, и в этом не было ни уточнения, ни акцента. — Не задолго до твоего звонка.

Каллен на секунду прикрыл глаза, не двигаясь, затем снова открыл, уставившись в пустую стену перед собой.

— Решил всех собрать, — проговорил он, чуть тише, больше для себя, чем для неё.

Сайла не стала разворачивать эту мысль.

— Ты заедешь? — спросила она, меняя направление разговора.

— Сейчас соберусь и заеду, — сказал он, отходя от бетона и делая пару шагов по балкону. — Минут через двадцать устроит?

— Устроит.

Он на секунду задержался, прежде чем отключить, будто проверяя, не осталось ли ещё чего-то, что стоит сказать. Ничего не добавилось.

— Тогда жди, дорогая, — бросил он спокойно, без улыбки в голосе.

— До встречи, — сказала Сайла, и связь оборвалась.

Каллен покинул балкон, прошёл вглубь квартиры, не включая свет — дневного было достаточно, он ложился неровными пятнами на пол и край стола, оставляя углы в полутени. Воздух внутри был теплее, плотнее, с остатком чужого запаха, который ещё не успел выветриться: кожа, дешёвый парфюм, чуть сладковатый алкоголь. Он снял с запястья часы, бросил их на стол, не глядя, куда именно они упадут, и на секунду задержал ладонь на поверхности.

За спиной скрипнула дверь в комнату. Каллен не обернулся сразу, только перевёл взгляд в сторону, отмечая движение в отражении стекла. Девушка вышла медленно, боси-

ком, придерживая на себе рубашку, которая явно была не её. Ткань съехала с одного плеча, оставляя кожу открытой, но она не поправила, будто это должно было что-то сказать само по себе. Волосы спутались, на шее остались слабые, не до конца сошедшие следы пальцев.

— Ты уже собираешься? — спросила она, голос ещё тёплый после сна, но с натянутой ноткой, которая появилась слишком рано для утра.

Каллен чуть повернул голову, не полностью, только чтобы увидеть её прямо, и на секунду задержал взгляд на лице, пытаясь вспомнить. Не получилось. Это не вызвало ни раздражения, ни неловкости — просто пустота на месте, где должно было быть имя.

— Да, — ответил он спокойно, отталкиваясь от стола и проходя мимо неё, не касаясь. — Вызову тебе такси.

Он сказал это так же, как сказал бы про закрытое окно или забытые ключи — без акцента, без попытки сгладить. Девушка на секунду замерла, как будто не сразу поняла, что именно было сказано, затем повернулась к нему, плотнее прижимая рубашку к телу.

— Серьёзно? — в голосе появилась жёсткость, которая не совпадала с её позой. — И всё? Мы провели ночь вместе.

Каллен остановился у двери, ведущей в прихожую, и обернулся, опираясь плечом о косяк. Он посмотрел на неё внимательнее, не оценивая, а фиксируя: напряжённые пальцы, чуть приподнятый подбородок, дыхание, которое стало заметно

чаще. Мужчина провёл рукой по затылку, коротко, словно убирая лишнее напряжение, и перевёл взгляд в сторону окна, а не на неё.

— Провели, — согласился он, возвращая взгляд, но уже без попытки удерживать контакт. — Было неплохо.

Девушка усмехнулась, но в этом не было веселья — только короткий выдох через нос. Пауза затянулась на секунду дольше, чем нужно. Каллен достал телефон, уже не глядя на неё, и провёл пальцем по экрану.

— Машина будет через пять минут, — сказал он, проверяя адрес. — Скажешь водителю, если нужно будет куда-то заехать.

Он не смотрел, кивнёт она или нет. Просто стоял, ожидая, пока процесс дойдёт до конца. Девушка подошла ближе, остановилась почти вплотную, но не коснулась. Запах её стал резче, ближе, и Каллен это отметил, но не отреагировал. Она отступила, развернулась, не оглядываясь, и ушла в сторону комнаты, чтобы одеться. Каллен остался в прихожей, слушая, как она двигается внутри — быстрые, чуть резкие движения, звук ткани, короткий удар о край стола. Он не пошёл за ней. Не проверил. Просто стоял, глядя на закрытую дверь, пока телефон снова не завибрировал в руке, напоминая, что машина уже подъехала.

Каллен завёл двигатель раньше, чем она вышла из подъезда, и не глушил, пока ждал. Машина тихо вибрировала под

руками, отдавая в ладони через руль, и это было удобнее, чем стоять в полной тишине. Он не смотрел на вход постоянно, только иногда переводил взгляд, фиксируя движение дверей, силуэты, которые появлялись и исчезали, не задерживаясь ни на одном из них.

Сайла вышла без спешки, закрыла за собой дверь и на секунду остановилась, проверяя улицу не глазами, а чем-то глубже. Каллен отметил это по тому, как она чуть задержала дыхание, прежде чем двинуться к машине. Дверь открылась, и вместе с ней внутрь зашёл холодный воздух, смешавшись с остатком тепла и запахов, которые ещё не успели уйти.

Она села рядом, не глядя на него сразу, сначала потянулась к ремню, провела пальцами по ленте, проверяя её на излом, и только после этого защёлкнула. В этот короткий момент Каллен уже понял, что она уловила. Не по взгляду — по тому, как чуть изменилось положение плеч, как на долю секунды замерла рука.

Запах женщины и сигарет.

Сайла не сказала ничего. Просто повернула голову в сторону окна, задержала взгляд на отражении стекла, где их лица на секунду наложились друг на друга, и только потом перевела его на дорогу.

— Ещё что-то было от него? — спросила она, будто продолжая разговор, который они не прерывали.

Каллен тронулся с места, плавно, не спеша выкруливая на дорогу. Руки легли на руль привычно, пальцы чуть сжались.

— Нет, — ответил он, следя за зеркалами, больше по инерции, чем по необходимости. — После той встречи в ба-ре — тишина.

Машина набрала скорость, вливаясь в поток. Город вокруг двигался ровно, без резких перестроений, и это позволяло держать внимание рассеянным, не цепляясь за конкретные объекты.

— Пропал, — добавил Каллен через секунду, чуть повернув голову в её сторону, но не до конца. — Как будто выключился.

Сайла не повернулась к нему, но он увидел, как её пальцы легли на колено, чуть сильнее, чем обычно, и потом расслабились.

— Ты удивлён? — спросила она спокойно.

Он коротко выдохнул через нос, уголок рта дёрнулся.

— Скорее раздражён, — сказал он, не подбирая слово. — Я уже думал, он помер.

Фраза прозвучала легко, почти небрежно, но в салоне она легла плотнее, чем должна была. Секунда тишины растянулась, и в этой паузе звук дороги стал громче — шорох шин, редкие сигналы, гул чужих двигателей. Сайла повернула голову, посмотрела на него коротко.

— Не говори так, — сказала она тихо, без нажима, без эмоции.

Каллен не ответил. Только чуть сильнее сжал руль, затем ослабил хватку. Он кивнул, почти незаметно, возвращая

взгляд на дорогу.

Машина шла ровно, повороты ложились под колёса без рывков, но внутри ритм сбился, едва заметно, как если бы дыхание стало чуть короче, чем должно быть.

— Далеко ехать? — спросила Сайла, возвращая разговор в практическую плоскость.

Каллен бросил взгляд на навигатор, не снижая скорости.

— Нет. Минут десять, — ответил он, и после паузы добавил: — Центр, ближе к старым офисам.

Она кивнула, снова отвернувшись к окну. В отражении стекла её лицо выглядело спокойным, почти неподвижным, но Каллен заметил, как её взгляд чуть задержался. Он не стал спрашивать. Не стал возвращаться к теме. Просто вёл машину дальше, чувствуя, как пространство между ними остаётся заполненным тем, что они оба решили не трогать.

Здание оказалось почти незаметным среди других — узкий фасад, выцветшая вывеска без названия, мутная стеклянная дверь, за которой не было видно движения. Каллен притормозил у тротуара, не сразу заглушив двигатель, и на секунду задержал руку на руле, рассматривая вход. Ничего не выбивалось. Обычный офисный блок, где сегодня снимают бухгалтерию, завтра — пусто.

Сайла вышла первой, не дожидаясь, пока он обойдёт машину. Дверь закрылась с коротким глухим звуком. Каллен всё-таки заглушил двигатель, выбрался наружу, и холодный воздух сразу лёг под воротник, цепляясь за кожу.

Роан стоял чуть в стороне от входа, не у самой двери, а ближе к краю тротуара, так, чтобы видеть и улицу, и стекло. Плечи ровные, руки в карманах, взгляд не зафиксирован ни на чём конкретном. Он кивнул, когда они подошли, коротко, без лишнего движения.

Мира была рядом, но держалась ближе к зданию, почти у самой двери, как будто уже решила, что им придётся заходить внутрь. Она обернулась на звук шагов, и в этом повороте было больше живости — взгляд сразу нашёл Каллена, затем Сайлу, остановился на долю секунды дольше, чем нужно, и только после этого она кивнула.

— Долго ждали? — спросил Каллен, не замедляя шаг, становясь рядом с Роаном, автоматически занимая позицию чуть сбоку, чтобы видеть всех.

— Не давно приехали, — ответил тот, не поворачивая головы полностью. — Он внутри.

Сайла остановилась чуть позади, не встраиваясь в линию, а оставляя себе пространство. Каллен это отметил, но не прокомментировал. Мира провела пальцами по ремешку сумки, короткое, почти нервное движение, и посмотрела на дверь.

— Он сказал, что скоро выйдет, — добавила она, чуть тише, как будто проверяя, не слышит ли кто-то ещё.

Никто не ответил. Тишина между ними не была пустой — в ней было ожидание, которое не требовало слов. Каждый держал его по-своему: Роан — ровно, без сдвигов, Мира — с

лёгкой подвижностью, Сайла — почти незаметно, но Каллен чувствовал, как её внимание смещается.

Дверь открылась изнутри резко, без предварительного движения ручки. Звук стекла и металла коротко отдался в воздухе, и все четверо одновременно перевели взгляд.

Итан вышел без паузы, как будто уже стоял у самой двери. Он не задержался на пороге, не осмотрелся — просто шагнул вперёд, сразу в их сторону, будто видел их через стекло всё это время. Волосы отросли, неаккуратно, без попытки придать форму, щетина легла неровно, подчёркивая линию челюсти, а под глазами тени были глубже, чем должны были быть после нормального сна. И шрамы, что уродовали левую сторону лица, словно состарили его.

Он выглядел хуже. Но двигался легко. Или только делал вид.

— Рад, что все добрались, — сказал Итан, и в голосе не было той тяжести, которую Каллен ожидал услышать. Он даже улыбнулся, коротко, уголком рта, будто это была обычная встреча.

Каллен на секунду задержал взгляд на его лице, потом ниже — на плечах, руках, стойке. Всё складывалось, но не сходилось. Запах дошёл с опозданием. Лёгкий, почти выветрившийся, но отчётливый. Алкоголь. Не резкий, не свежий, а остаточный, как после ночи, которая не закончилась до конца.

Никто не сказал об этом.

Мира чуть сжала ремешок сильнее, чем раньше, но быстро отпустила. Роан перевёл взгляд с лица Итана на его руки, потом обратно. Сайла не двигалась, но Каллен почувствовал, как она зацепилась за запах раньше остальных.

Итан сделал ещё шаг, останавливаясь перед ними, не замечая паузы, что образовалась.

— Нашёл место, — продолжил он, кивнув в сторону здания. — Не идеальное, но нам подойдёт.

Слова ложились легко, слишком легко. Каллен выдохнул через нос, не отводя взгляда, и чуть склонил голову в сторону.

— Смотри-ка, — сказал он негромко, но так, чтобы все услышали. — Рейк объявился.

Улыбка у Итана не исчезла сразу. Она чуть задержалась, на долю секунды дольше, чем должна была, а потом всё-таки сдвинулась, но не пропала полностью.

— Я и не пропадал, — ответил он, пожав плечами.

Каллен коротко усмехнулся, не развивая, и перевёл взгляд на дверь за его спиной.

— Ну да, — бросил он. — Конечно.

Итан не отреагировал на это. Только на секунду сдвинул плечо, будто сбрасывая лишнее напряжение, и кивнул в сторону входа.

— Пойдёмте. Покажу.

Он развернулся первым, не проверяя, пойдут ли за ним, и шагнул обратно к двери.

Дверь захлопнулась за их спинами с глухим звуком, отрезав уличный шум почти полностью. Внутри воздух оказался плотнее — тёплый, стоявший, с лёгким привкусом пыли и чего-то старого, давно не проветриваемого. Узкий коридор тянулся вперёд, освещённый неровными лампами под потолком, одна из которых едва заметно мерцала, сбивая ритм света.

Итан шёл первым, не оглядываясь. Шаги у него были лёгкие, почти бесшумные, и это не совпадало с тем, как выглядело его тело — чуть тяжеловатое в плечах, с накопленной усталостью, которая обычно даёт о себе знать в движении. Но здесь её будто не было. Или он просто не давал ей выйти наружу.

— Не сразу нашёл, — сказал он на ходу, чуть повернув голову, но не замедляясь. Голос разнёсся по коридору, отразился от стен и вернулся тише. — Сначала думал взять что-то ближе к центру, но там либо цены — он коротко усмехнулся, — либо слишком на виду.

Каллен шёл следом, держась на полшага сзади, не ускоряясь и не отставая. Взгляд скользил по стенам, по дверям с одинаковыми табличками, по полу, где местами виднелись потёртые полосы от мебели. И подумал на мгновение, что это какой-то розыгрыш. Сколько лет этой конуре? Сто?

Сайла шла рядом, чуть ближе к стене. Её внимание двигалось — не рывками, а плавно, проходя по пространству, задерживаясь на мелочах. Она ничего не говорила, но в од-

ном из поворотов коридора её взгляд на секунду встретился с его. Коротко.

Роан замыкал, но при этом оставался в поле зрения — по отражению в стекле одной из дверей Каллен увидел, как тот держит дистанцию, не сближаясь, но и не выпадая. Плечи всё так же ровные, шаги размеренные, взгляд спокойный. Только слишком внимательный.

Мира шла между ними, и в её движении было чуть больше лишнего — пальцы снова нашли ремешок сумки, сжали, отпустили. Она слушала, но не вмешивалась, будто ждала, что в какой-то момент это всё сложится в понятную картину.

Они оказались на лестнице. Итан взялся за перила, но не опёрся на них полностью, скорее коснулся, проверяя поверхность. Лестница узкая, бетонная, с лёгким запахом сырости, который поднимался снизу и оседал в лёгких. Каллен поднялся следом, чувствуя, как шаги отдаются глухо, почти одинаково, но с небольшим сдвигом — каждый держал свой ритм, не подстраиваясь.

Каллен на секунду перевёл взгляд на спину Итана, отмечая, как под тканью рубашки двигаются мышцы, как чуть напряжены плечи, несмотря на лёгкость шага. Сайла шла молча, но на повороте её рука на секунду коснулась стены. Пальцы задержались, затем соскользнули. Она не посмотрела на ладонь после. Роан, поднимаясь последним, на мгновение остановился на площадке, позволяя расстоянию между ними увеличиться на полшага. Каллен это заметил боковым зре-

нием.

— Здесь, — сказал Итан, останавливаясь у двери на втором этаже.

Он достал ключ быстрее, чем нужно, будто уже держал его в руке заранее, и вставил в замок без лишнего движения. Металл коротко щёлкнул, звук оказался резче, чем всё, что было до этого. На секунду стало тихо. Итан не сразу открыл дверь. Пальцы остались на ключе, плечи чуть застыли, и только потом он повернул его до конца и толкнул дверь вперёд.

Дверь открылась с усилием, как будто её давно не трогали, и воздух внутри сразу дал в лицо — тёплый, стоявший, с примесью краски и пыли, которая оседает в горле и не уходит с первого вдоха. Помещение оказалось меньше, чем ожидалось снаружи: прямоугольная комната с двумя окнами в глубине, пустая, если не считать стола у стены и сложенного в углу рулона бумаги, прислонённого к батарее. Итан зашёл первым, не останавливаясь на пороге, прошёл к окну и коротким движением открыл его. Створка скрипнула, впуская внутрь полосу уличного шума — далёкие машины, голоса, что-то металлическое. Воздух сдвинулся, но не стал легче.

Остальные вошли следом, распределяясь неосознанно: Роан остановился ближе к двери, не проходя вглубь, Мира — у стены, где можно было опереться плечом, Сайла выбрала место так, чтобы видеть и вход, и Итана. Каллен остался посередине, не занимая позицию окончательно, но и не от-

ходя в сторону.

Итан развернулся к ним, провёл ладонью по лицу, будто стирая с него что-то лишнее, и на секунду задержал взгляд на каждом. Потом шагнул к углу, поднял рулон, развернул его на столе, придавливая края ладонями, чтобы тот не свернулся обратно. Белая поверхность с разметкой, линиями, надписями. Чёрный маркер, местами проведённый слишком быстро, местами — с нажимом, будто рука задерживалась дольше, чем нужно.

— Мы не можем победить толпу... — сказал он, не поднимая взгляда, проводя пальцем вдоль одной из линий, повторяя её движение. — Значит, надо возглавить.

Фраза легла в комнате тяжело, несмотря на спокойный тон. Каллен почувствовал, как в теле на секунду сработала память — бар, стекло в руке, голос, который тогда звучал иначе, глуше. Здесь — ровно. Слишком ровно.

Итан поднял голову, взгляд задержался на Каллене чуть дольше, чем на остальных, и только потом он продолжил, уже обращаясь ко всем.

— Я планирую открыть частное бюро. Агентство, если проще. Работаем с тем, что они не берут или закрывают. Защита, сопровождение, свои расследования. — Палец переместился к одному из блоков, где линии расходились в стороны. — Оборотни, которые оказались в дерьме — без адвокатов, без нормальной опоры, — голос стал чуть жёстче, но не поднялся. — Это как... второй Серый Контур.

Мира чуть оттолкнулась от стены, как будто хотела подойти ближе, но остановилась. Роан не двигался, только взгляд сместился на схему, фиксируя детали. Итан продолжал, не делая пауз, как будто боялся, что если остановится — поток уйдёт.

— Оформление — как консалтинг или охрана. Лицензия на частную деятельность. Не сразу, но она появится. Пока — работаем через частные заказы. — Он провёл рукой ниже, где были отмечены источники. — Деньги. Клиенты, пожертвования — короткая пауза, едва заметная, — и другие варианты.

Каллен усмехнулся едва слышно, не перебивая. Взгляд скользнул по надписям, цепляясь за знакомое — «источники», «контакты», «доступ».

Итан будто не заметил.

— Нам не нужно ждать разрешения. Мы уже умеем это делать.

Фраза прозвучала почти буднично, но в ней на секунду мелькнуло прошлое — не как воспоминание, а как факт, который никто не озвучил вслух. Он переместился к другой части схемы, где имена были вписаны рядом с задачами.

— Роан — логистика. — Взгляд коротко коснулся его, не задерживаясь. — Каллен — грубо говоря, бухгалтерия. — Каллен чуть наклонил голову, не выражая согласия или отказа. — Сайла — лаборатория и медицина. — Девушка не сдвинулась, только пальцы на секунду сомкнулись сильнее,

чем раньше. — Мира — связь. Гражданские, информация, вход туда, куда мы сами не зайдём. — Они кивнула, почти автоматически, и тут же остановила себя.

Итан провёл ладонью по краю ватмана, выравнивая его, хотя тот и так лежал ровно.

— Это можно запустить быстро, — добавил он, и только здесь в голосе появилось едва заметное напряжение. — Пару месяцев. Максимум.

Каллен медленно выдохнул, отводя взгляд от схемы к самому Итану, и на секунду задержал его там, оценивая не слова, а то, как они держатся в теле. Плечи всё ещё напряжены. Движения слишком точные. Ни одного лишнего. Слишком собранный. Нереально собранный.

Тишина в комнате не разошлась сразу после его слов — она просто сдвинулась, стала тяжелее, плотнее. Итан стоял у стола, ладони всё ещё лежали по краям ватмана, пальцы слегка прижаты, будто он удерживал не бумагу, а саму конструкцию, которую только что выстроил. Каллен не двигался пару секунд, давая этому повиснуть. Взгляд прошёлся по схеме ещё раз, не читая — отмечая. Линии, стрелки, имена. Он выдохнул, чуть повернул голову, как будто выбирая, с какой стороны зайти, и только потом сделал шаг вперёд, ближе к столу.

Каллен провёл пальцами по краю стола, не касаясь бумаги, и коротко усмехнулся без звука.

— Рейк, ты сейчас серьёзно? — спросил он, не повышая

голос, но не давая ему уйти от ответа. — Ты один ушёл из полиции, — продолжил он. — Мы — нет. — Он чуть сдвинулся, становясь так, чтобы видеть остальных боковым зрением. — Ты предлагаешь нам работать против того, в чём мы всё ещё сидим, — добавил он, и пальцы на секунду сильнее сжали край стола, прежде чем расслабиться. — С лицензиями, клиентами, деньгами — короткий взгляд на ватман, — за пару месяцев...

Итан слушал, не перебивая. Только дыхание стало чуть заметнее — не глубже, а короче, будто воздух не успевал пройти до конца.

— Это риск, Рейк, — сказал Каллен, делая паузу перед последним словом. — Это тупо. Серый Контур годами выстраивал свою работу. Роан не даст соврать!

Мира чуть сдвинулась у стены, как будто хотела что-то сказать, но остановилась, давая ему закончить.

— И не надо делать вид, что это новый план, — добавил Каллен, переводя взгляд обратно на Итана. — Мы это уже обсуждали.

Короткая пауза. Бар вновь всплыл не как воспоминание — как ощущение в теле. Стекло в руке, чужой голос за спиной, слова, которые тогда не легли.

— Там, — сказал он тише, но жёстче, — я тебя не поддержал. И сейчас не стану.

Итан не отвёл взгляд. Только плечо чуть сдвинулось, как будто внутри прошёл короткий импульс. Пальцы на краю

ватмана разжались, потом снова легли на бумагу, уже не прижимая её так сильно. Комната будто сузилась на несколько сантиметров. Мира всё-таки оттолкнулась от стены и сделала шаг вперёд, не заходя в центр. Голос у неё был мягче, но не слабее.

— Итан... это звучит, — она на секунду задержала слово, будто подбирая не оценку, а форму, — быстро.

Итан не посмотрел на неё сразу. Сначала перевёл взгляд на линию на ватмане, провёл по ней пальцем, как будто проверяя, не сместилась ли.

— Слишком быстро, — добавила Мира, уже ровнее. — Пара месяцев — это даже не оформление документов, не говоря о работе. — Она чуть сжала ремешок сумки, потом отпустила. — И риски, — продолжила она, переводя взгляд с ватмана на него. — Мы все... Хм... Это... не просто дополнительная работа. — Девушка не торопилась, но и не отходила назад. — Итан... — имя прозвучало тише, чем остальное, и в этом была другая интонация, почти личная. — Мы понимаем, что произошло....

Комната на секунду замерла. Слово не прозвучало. Но оно было. Пальцы Итана на бумаге замерли и от напряжения слабо затряслись.

— И это... — Мира сделала короткий вдох, как будто сама почувствовала, куда зашла, но не отступила, — не то, что можно...

— Да что вы вообще понимаете! — выдохнул он резко,

почти сквозь зубы, и голос сорвался раньше, чем он успел его удержать.

Он замолчал сразу же после. Как будто сам себя обрезал.

Пальцы прошлись по лицу — быстро, почти грубо, зацепив щетину, задержались на переносице, потом сползли вниз. Глаза на секунду закрылись, как рефлекс. Когда он снова посмотрел на них, взгляд уже не давил. Только усталость, и что-то глубже, не оформленное.

— Извините, — сказал он глухо, не поднимая голоса. — Я... — слова застряли, он коротко качнул головой, не продолжая. Не объясняя.

Мира чуть сдвинулась вперёд, собиралась что-то сказать, но остановилась. Сайла не двигалась вовсе. Роан стоял, не вмешиваясь, взгляд у него оставался тем же — спокойным. Каллен не отвёл глаз. Просто ждал. Итан медленно втянул воздух, выровнял дыхание, провёл ладонью по затылку, отбрасывая отросшие пряди назад, и на секунду задержал руку там.

— Я не говорю, что вы должны всё бросить, — продолжил он уже ровнее, почти сухо, как будто предыдущего срыва не было вовсе. — Не сейчас. Не сразу. Я не идиот... — Он посмотрел на ватман, потом обратно на них. — Просто подумайте, — добавил он. — Это всё равно никуда не денется.

Пальцы коснулись края листа, слегка сдвинули его, но он не стал сворачивать план. Не стал убирать. Оставил так, как есть.

— Всё, — сказал он после паузы, чуть тише. — На сегодня хватит...

Никто не двинулся сразу. Пространство между ними не распалось, просто ослабло, как натянутая ткань, которую отпустили, но она ещё не опала полностью. Потом Роан первым чуть кивнул, отступил к выходу. Мира задержалась на секунду дольше, бросив короткий взгляд на Итана, и пошла следом. Сайла развернулась почти бесшумно. Проходя мимо Каллена, она не посмотрела на него, но пауза между её шагами была на долю секунды длиннее, чем обычно. Он остался на месте ещё мгновение. Смотрел на Итана. Тот уже отвернулся. Стоял спиной к ним, будто разговор закончился не только словами.

Каллен вышел последним.

Они вышли без спешки, но и не задерживаясь. Дверь небольшого здания закрылась глухо. В коридоре было теснее, чем казалось, и шаги звучали громче — каждый отдельно, не в такт. Никто не пытался заговорить первым. Даже Мира, обычно цепляющаяся за разговор, шла молча, держа руки ближе к телу.

Каллен шёл последним, чуть отставая. В голове не складывались слова — только отдельные куски: бар, стекло в пальцах, короткое «будет продолжаться», и как тогда он не остановил. Не потому что не мог. Просто не стал. Или не успел?.. Сейчас это возвращалось не мыслью, а ощущением — неприятным, липким, как если бы что-то застряло в глот-

ке.

На улице воздух показался холоднее, чем внутри, хотя день был обычный. Машины проезжали мимо, люди шли по своим делам, никто не задерживал взгляд. Город не менялся. Только в них что-то сместилось, и это не совпадало с тем, что было вокруг.

Роан коротко попрощался, не растягивая момент, и уехал первым. Мира задержалась на секунду дольше, посмотрела в сторону входа, будто проверяя, выйдет ли Итан снова, но не стала ждать и пошла следом. Остались двое. Сайла стояла рядом с машиной, не опираясь, просто держась ровно. Когда Каллен подошёл, она не посмотрела на него сразу — взгляд пошёл мимо, по улице, как будто проверяя что-то в фоне. Потом повернулась.

— Доедешь сама? — спросил он, не меняя тона.

Вопрос прозвучал слишком ровно для простого уточнения. В нём не было ни заботы, ни формальности. Сайла задержала взгляд на нём чуть дольше обычного.

— Доеду, — ответила она спокойно.

Пауза повисла между ними, короткая, но плотная. Она не стала что-либо уточнять. Только чуть наклонила голову, всматриваясь в его лицо.

— Не попадайся ему на глаза, — добавила она так же ровно.

Каллен едва заметно усмехнулся уголком рта, без ответа. Открыл дверь, сел и в зеркале заднего вида проследил за де-

вушкой, что начала переходить дорогу на зелёный. Машина тронулась, но остановилась недалеко от здания. Так, чтобы слиться с другими машина на стоянке.

Итан вышел из здания только через несколько часов. Каллен уже почти решил, что тот останется внутри, когда дверь всё-таки открылась. Движение было обычным — без спешки, без оглядки, как будто он просто закончил работу и вышел на улицу. Но в походке было что-то сбитое: шаги ровные, но корпус чуть впереди. Он не направился к парковке. Даже не посмотрел в ту сторону.

Каллен вышел из машины не сразу, выдержал дистанцию, дал ему уйти вперёд, но так, чтобы не потерять из виду. Потом пошёл. Не ускоряясь. Не скрываясь.

Итан шёл пешком. Две остановки — не расстояние для них. Но он не сокращал путь, не пытался свернуть через дворы, шёл по тротуару, вдоль дороги, вместе с остальными. Люди вокруг не реагировали. Для них он был ещё одним прохожим — немного небритым, с усталым лицом, но ничем не выделяющимся. Только запах, едва уловимый, тянулся за ним коротким шлейфом.

Каллен держался сзади, не приближаясь.

Итан наконец-то свернул в сторону домов.

Серое здание, не старое до развала, но уже потерявшее аккуратность. Окна с разными шторами, местами грязные, подъезд с облупившейся краской на двери. Ни парковки с нормальной разметкой, ни камер на входе, ни ощущения, что

здесь кто-то следит за порядком. Итан не остановился у входа. Не оглянулся. Дверь открыл сразу, как будто ключ уже был в руке заранее, и исчез внутри, не задерживаясь.

Каллен остался снаружи.

Подошёл ближе, но не к самой двери — остановился на расстоянии, откуда видно подъезд, но не видно его лица. Взгляд прошёлся по фасаду, по окнам, по верхним этажам. Ничего особенного.

Он не двинулся следом. Просто постоял ещё некоторое время, как будто давая себе время убедиться, что больше ничего не произойдёт. Потом развернулся и пошёл обратно тем же маршрутом, не ускоряясь.

Дверь закрылась за ним без щелчка — он не дождал до конца, и замок встал только со второго движения, короткого, раздражённого. Рука на секунду задержалась на ручке, пальцы сжались сильнее, чем нужно, потом отпустили. В квартире было тихо.

Итан сделал шаг внутрь и остановился.

Пространство было маленьким, почти сжато в одну линию: узкая прихожая переходила в комнату, где сразу же начиналась кухня — стол, раковина, шкафы, и дальше — диван у стены, который выглядел так, будто на нём не спали, а просто ложились, когда не оставалось сил. Вещей почти не было. Ничего лишнего, но и ничего своего. Как временное место, которое перестали считать временным.

Он медленно прошёл дальше, не снимая обувь сразу, только потом, у самого края комнаты, стянул её ногой о ногу, не наклоняясь. Куртку скинул на спинку стула — она не повисла ровно, съехала, но он не поправил.

Взгляд прошёлся по комнате без задержек. Стол. Пустой. Стакан, в котором на дне осталась вода. Телефон он положил рядом, экран коротко вспыхнул и погас. Диван. Смятая ткань, будто кто-то сидел, не откидываясь.

Он повернулся к кухне. Навесной шкаф открылся с тихим скрипом, который сразу стал слишком громким в этом помещении. Несколько бутылок стояли вплотную друг к другу, не выставленные, а задвинутые, чтобы не бросались в глаза. Закрытые. Одинаково нетронутые.

Рука потянулась внутрь не сразу. Сначала зависла на уровне полки, потом пальцы коснулись стекла — прохладного, гладкого. Он чуть сжал бутылку, не поднимая, как будто проверяя вес, или то, что она реальна. Левое плечо едва заметно дёрнулось. Он не убрал руку сразу. Задержался. Дыхание стало глубже, но не ровнее — в нём появилось усилие, словно каждый вдох нужно было проталкивать дальше. Пальцы скользнули по горлышку, остановились у крышки.

Итан медленно выдохнул. Голова чуть качнулась в сторону, коротко, почти незаметно. Он разжал пальцы, и стекло тихо стукнулось о соседнюю. Звук вышел глухим. Дверца шкафа закрылась сильнее, чем нужно. На секунду показалось, что она отскочит обратно, но петли удержали.

Мужчина стоял ещё мгновение, не двигаясь. Потом провёл ладонью по лицу, зацепил щетину, на секунду задержался на подбородке, будто проверяя, где заканчивается кожа и начинается что-то другое. Пальцы опустились, сжались в кулак и разжались снова.

Он развернулся и пошёл в ванную. Дверь он закрыл уже без усилия, тихо, почти аккуратно. В квартире снова стало тихо.

Глава 2

Каллен сидел в машине, не включая зажигание. Панель перед ним была тёмной, только редкие отражения с улицы скользили по стеклу, как будто кто-то проходил мимо и не задерживался. Воздух внутри остыл, но он не тянулся к ключу. Локти лежали на руле, пальцы свободно сцеплены, без напряжения, но и без движения.

Телефон лежал на соседнем сиденье экраном вниз. Каллен перевернул его, коротко посмотрел на контакт и нажал вызов. Гудки шли недолго.

— Да. — Голос Сайлы был ровно.

— Я был с ним тогда... — сказал Каллен. — В баре. Полтора месяца назад. Я мог его тогда вразумить. — С той стороны была короткая пауза. — Сейчас он выглядит гораздо хуже, — добавил он, глядя на здание впереди, где на втором этаже тускло горел свет.

— Я так и поняла, — ответила Сайла. Её голос не изменился. — Держи меня в курсе. И звони, если понадобится.

Каллен на секунду задержал взгляд на окне. Свет не гас, не двигался, просто стоял там, как метка.

— Хорошо, дорогая.

— Кстати, — отозвалась Сайла, — сегодня всё в силе? Я купила новый коньяк. С орехами.

— М-м... — протянул Каллен, расплываясь в улыбке. —

Такую сладость я не пропущу. Позвоню, когда закончу.

Он сбросил вызов раньше, чем пауза успела стать длинной. Телефон остался в руке, но он не смотрел на него. Просто держал, пока экран не погас. Потом положил обратно, не проверяя уведомления, и откинулся на спинку сиденья на долю секунды, не закрывая глаз.

Хватило.

Каллен открыл дверь, не торопясь, но и не задерживаясь. Холодный воздух с улицы вошёл внутрь сразу, резче, чем ожидалось. Он вышел, закрыл машину без щелчка сигнализации и направился к зданию, не оборачиваясь.

Шаги были ровные, без ускорения. Он не проверял время, не доставал телефон. Входная дверь поддалась без усилия, как будто её давно не закрывали до конца. Внутри пахло пылью и чем-то застоявшимся, не свежим, но и не испорченным — просто помещение, в котором не живут. Лестница была узкой, звук шагов глухо отдавался вверх. Он поднимался, не считая ступеней. Свет с второго этажа был тот же, что он видел из машины — слабый, желтоватый, будто лампа там горела давно.

Каллен не остановился перед дверью. Просто толкнул её и вошёл.

Дверь открылась без сопротивления, и воздух внутри оказался плотнее, чем на лестнице — с примесью бумаги, старой краски и свежего кофе, слишком резкого для такого помещения. Каллен остановился на пороге.

Итан был там. Не в глубине, не за столом — ближе к центру, у разложенного ватмана, и стоял не один. Женщина рядом с ним держалась свободно, не прячась за спиной и не отступая, как это делали бы случайные. Разговор оборвался на полуслове, как только дверь закрылась за спиной Каллена. Звук защёлки прошёл по комнате глухо, и в этой тишине стало слышно, как Итан перестал говорить, но не сразу повернулся.

Каллен сделал несколько шагов внутрь, не ускоряясь. Итан среагировал на приближение раньше, чем взгляд нашёл его — плечи чуть напряглись, корпус развернулся не полностью. Лицо выглядело хуже, чем в прошлую встречу: кожа потемнела ещё сильнее под глазами, щетина лежала неровно, как будто он не сбрасывал её, а просто иногда задевал бритвой, не доводя до конца. Запах кофе ударил сразу, плотный, вываренный, без сладости — не одна чашка и не две, и не сейчас.

— Каллен, — сказал Итан, без интонации. Потом кивнул в сторону женщины, не поворачивая головы полностью. — Керри. Работали вместе.

Женщина не отступила, когда Каллен вошёл глубже. Она была чуть ниже Итана, собранная, с прямой спиной, светлый хвост вытянут вверх и назад, открывая шею. Макияж был чёткий, не смазанный — линии держались, как будто она обновляла их недавно. Карие глаза смотрели прямо, не прячась, и не скользили мимо. Формы под одеждой не требова-

ли рассматривания — они сразу попадали в поле зрения, не как акцент, а как часть уверенности, с которой она стояла. Она не выглядела лишней в этой комнате.

— Привет, — нехотя кивнул Каллен.

Он остановился на расстоянии, где уже не нужно было повышать голос, но и не настолько близко, чтобы это выглядело как вмешательство. Взгляд прошёлся по Итану — руки, положение пальцев, то, как он держал корпус, где был центр тяжести. Затем коротко — по женщине, не задерживаясь на лице, а фиксируя, как она стоит, куда направлены плечи, как распределён вес.

Итан моргнул чуть медленнее, чем обычно, и только после этого окончательно развернулся. Взгляд сфокусировался не сразу, но удержался.

Керри же не ждала продолжения. Она сместила вес с одной ноги на другую, легко, почти незаметно, и сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию так, чтобы это не выглядело вторжением. Запах от неё был чище, чем от помещения — что-то сдержанное, не сладкое, с холодной нотой, которая не забивала, а держалась рядом. Взгляд она не отводила, но и не упиралась им — держала ровно.

— Каллен, — повторила она его имя, как будто пробуя его на слух, и уголок губ едва заметно двинулся вверх. — Я слышала о тебе.

Голос у неё был собранный, без лишней мягкости, но и без жёсткости.

Каллен ответил коротким кивком, не подаваясь вперёд, и спрятал руки в карманы. Он отметил, как она держит плечи — не зажаты, не расправлены нарочито. Руки не прятала, не скрещивала, пальцы расслаблены.

— Значит, это ты, — добавила Керри, и в этом не было вопроса.

Взгляд скользнул по его лицу, на долю секунды задержался ниже, фиксируя рост, корпус, как он стоит, и вернулся обратно, не прячась. Она не отходила. Не уступала пространство Итану, но и не оттесняла его. Просто стояла рядом.

— Чем занимаешься, Рейк? — спросил Каллен, рассматривая всё тот же ватман, что был вчера.

Итан отвёл взгляд первым. Пальцы снова коснулись бумаги, но не двигались. Линии на листе были не закончены, и он смотрел на них, как будто пытался вспомнить, с чего начинал. Каллен уловил это движение и только после этого снова перевёл внимание на Керри. Она уже не смотрела на Итана. Всё её внимание оставалось на нём.

— Я думаю о тех, кто будет со мной работать, — сказал он, не поднимая глаз. Пальцы поднялись к лицу и начали с усилием сминать переносицу. — О том, с чего конкретно начать. Куда направить силы и деньги. Что надо привести здание в порядок и... — Итан замолчал. Посмотрел на Каллена и махнул головой. — В общем... о многом надо подумать ещё...

Речь шла ровно, но между фразами оставались провалы, в

которые он на секунду выпадал, как будто догонял собственные слова уже после того, как произнёс их. Каллен не подходил ближе. Он смотрел не на линии, а на то, как Итан держится рядом с ними.

— Кстати, о деньгах... — протянул Каллег, шагнув ближе. — Ты хоть представляешь, сколько их надо? Откуда ты возьмёшь их?

Итан не ответил сразу. Плечи не сдвинулись, но пальцы на секунду перестали двигаться, зависли, а потом чуть сжались, как будто он собирался что-то стереть, но не сделал этого. Он поднял взгляд не на Каллена, а в сторону, и только потом повернул голову. Керри уже смотрела на него.

Это было коротко. Доля секунды, не больше. Без слов. Он не кивнул, она не изменила выражения лица, но что-то между ними прошло.

— Это сейчас не важно, — сказал Итан, возвращая взгляд на Каллена.

Голос остался ровным, но в нём появилась плотность, как будто он закрыл дверь, не дав зайти дальше. Он не отвёл глаз сразу, выдержал контакт чуть дольше, чем раньше, и только потом снова опустил их на ватман, делая вид, что возвращается к линиям.

Каллен не стал продолжать. Он посмотрел на Итана внимательнее. Лицо не просто усталое — заторможенное. Реакция есть, но с задержкой.

— Когда ты спал в последний раз? — вновь спросил Кал-

лен.

Вопрос прозвучал так же ровно, как предыдущий, без нажима. Итан усмехнулся едва заметно, уголком рта, без участия глаз. Левое плечо дёрнулось, будто он собирался отмахнуться от чего-то физического.

— Нормально, — ответил он. — Хватает.

Он уже отвёл взгляд, не дожидаясь реакции, и снова уставился в ватман, как будто там действительно было что-то, что требовало немедленного внимания.

— Ты ещё и оглох? — резко отозвался Каллен. — Я спросил "когда", а не "как".

— Это сейчас не важно, — вновь повторил Итан.

Керри в этот момент не вмешалась словами. Она стояла чуть в стороне, но не выпадала из сцены, и когда Каллен перевёл взгляд на неё, она уже смотрела в ответ. Без улыбки, без попытки смягчить. Она подняла руки, показав шесть пальцев. После убрала руки так же быстро, как подняла.

Итан этого не увидел. Хотя мог бы. Девушка стояла не далеко.

Он всё ещё смотрел в ватман, и в том, как он держал карандаш, было видно, что он не продолжает линию не потому, что закончил, а потому что потерял нить и не собирался это признавать. Веки двигались медленно. Казалось, вот-вот и Итан заснёт.

— Тут, — вновь заговорил Каллен, обходя небольшое помещение, — пахнет краской ещё сильнее, чем вчера. Арен-

даторы затеяли ремонт?

Керри неожиданно выразительно прокашлялась. Итан поднял на неё голову и тяжело вздохнул. Каллен перевёл взгляд с женщины на бывшего коллегу.

— Я, — нехотя ответил Итан. — Я затеял ремонт.

— Зачем тебе это делать? — скептически спросил Каллен, проведя пальцами по гладкой стене. Следов почти не осталось.

Он уже был готов делать ставки на то, какая из комнат в этом здании выглядит хуже предыдущей. Но озвучивать мысли вслух Каллен не хотел. Он ждал ответа. Потому уже перевёл взгляд не на Итана, а на Керри. Она в свою очередь, выразительно смотрела на Итана.

— Потому что я купил это здание, — медленно проговорил Итан, не отводя взгляда от женщины.

— Да ты меня разыгрываешь, Рейк... — шепнул Каллен, вновь оглядев комнату и наконец остановившись на месте.

Итан медленно покачал головой, то ли показывая, что карьеру клоуна он не начинал, то ли от усталости, что становилась всё больше от присутствия Каллена.

Каллен перевёл взгляд с руки с карандашом на сам ватман, не приближаясь, но смещая внимание так, будто теперь разговор должен был идти не через лица, а через то, что между ними лежало. Линии пересекались, уходили в стороны, обрывались и начинались заново, и в этом не было хаоса — скорее незавершённость, которую Итан пытался удержать в

пределах листа.

— Что именно ты продумываешь, — спросил он, решая сменить тему.

Итан не сразу ответил. Карандаш коснулся бумаги, провёл короткую линию, остановился, снова пошёл, но уже в другую сторону, будто он искал не точку, а способ её обойти. Плечи держались напряжённо, не из-за позы — из-за того, как он распределял внимание, не давая ему провалиться.

— Если вы решите отказаться, — сказал он, наконец, тихо, но без колебаний, — то мне нужно знать, откуда набирать народ для работы. Кто будет заниматься деньгами, документами... — Итан внезапно слегка пошатнулся, после чего вытащил небольшой табурет из-под стола и сел на него. — Ремонт ещё не закончен, мебели толком нет... У меня много головной боли, Каллен. Если ты пришёл добавлять новой, то лучше уходи.

Он провёл линию от одного угла к центру, не доводя её до конца, и поставил точку, чуть сильнее нажимая, чем нужно. Карандаш скользнул вдоль края, обводя уже существующий контур, не добавляя нового.

Каллен не стал раздувать конфликт. Только посмотрел на Керри, что в свою очередь смотрела на Итана с лёгкой жалостью. Итан же не поднимал головы.

Взгляд скользнул по краю ватмана и зацепился за угол. Там, где линии не доходили, где будто оставили место на потом. Пять точек. Жёлтые, нанесённые грубо, не карандашом

— чем-то плотнее, с нажимом, который оставил неровные края. Каллен сделал полшага ближе, не подходя вплотную.

— Это что?

Итан не ответил сразу.

Карандаш остался в воздухе, пальцы не двинулись. Он не посмотрел туда, куда указывал Каллен, сначала — просто замер, как будто вопрос прошёл мимо, не зацепившись. Потом медленно, без резкого движения, повернул голову. Взгляд остановился на точках.

Слишком долго он на них смотрел.

Каллен не отводил глаз, но и не смотрел на Итана — только на его реакцию. На то, как у него сдвинулась челюсть, как дыхание стало чуть глубже, но не сбилось. Итан провёл языком по внутренней стороне щеки, едва заметно, и только после этого ответил.

— Видел на доме. Граффити.

Голос прозвучал ровно, без напряжения, но после ответа он не сразу отвёл взгляд. Смотрел ещё секунду, как будто проверял, изменится ли что-то, если смотреть дольше.

Не изменилось.

Он вернулся к ватману и опустил карандаш на бумагу, но не начал рисовать. Каллен не сразу отвёл взгляд от ватмана. Пять точек остались в поле зрения, но внимание уже сместилось ниже, туда, где Итан держал руку. Пальцы сжимали карандаш неуверенно, давление шло рывками, и в коротком промежутке, когда рука замерла, стало видно больше, чем в

движении.

Под ногтями была не просто грязь. Тёмная, плотная, въевшаяся в кожу у края, с неровной линией, будто её не смывали, а только растёрли водой. Земля. Не уличная пыль и не случайное пятно — то, что цепляется, когда работаешь руками, не думая о том, что останется после.

Каллен ничего не сказал. Взгляд ушёл дальше, не задерживаясь. Он усмехнулся едва заметно, сдвинув вес на другую ногу.

— Как ты её только уговорил, — бросил он, кивая в сторону Керри.

Фраза прозвучала легко, почти между делом, но в ней был расчёт — посмотреть, как онотреагирует.

Керри ответила раньше, чем Итан успел повернуть голову. Она не изменила позу, только чуть сместилась, сокращая дистанцию между собой и Итаном на полшага. Движение было мягким, почти незаметным, но достаточным, чтобы их плечи оказались ближе.

— У нас с ним свои аргументы, — сказала она, и в голосе появилась тёплая насмешка, не направленная, а разлитая.

Пальцы коснулись его правого плеча. Не задержались — скользнули, как будто это было случайно, но давление в момент контакта было осознанным.

Итан отреагировал с задержкой — левое плечо чуть дёрнулось, как будто он только потом понял, что его коснулись. Рука с карандашом напряглась, пальцы сжались сильнее, чем

нужно, и только после этого он чуть сместился, едва, не разрывая контакт полностью, но и не принимая его.

— Не пришлось долго уговаривать, — добавила она, уже мягче.

Каллен смотрел не на руку, а на эту задержку. На то, как реакция не совпала с моментом прикосновения. Как будто сигнал дошёл позже. Он ничего не сказал. Керри убрала руку сама, без паузы, как будто и не было смысла удерживать. Взгляд остался на Каллене, спокойный, чуть внимательный, без вызова.

Итан в этот момент выпрямился сильнее, оторвался от ватмана и, наконец, посмотрел прямо на Каллена. Взгляд стал чётче, собраннее, как будто он на секунду вынырнул из того, что держал его до этого.

— Если ты всё ещё здесь, — начал Итан, — ты решил присоединиться?

Каллен не ответил сразу. Вопрос повис в воздухе, не требуя спешки, и он не заполнял паузу словами. Взгляд остался на Итане, но не в лоб — чуть ниже, на уровне плеч, где проще ловить движение, чем выражение лица.

Он сдвинулся с места, сделал шаг в сторону ватмана, будто это было продолжение разговора, а не уклонение от ответа. Пальцы на секунду коснулись края стола, провели по шероховатой поверхности, и только после этого он заговорил.

— Обещаю подумать, — сказал Каллен с широкой, даже насмешливой улыбкой, — если придумаешь, как мне не вы-

лететь с работы раньше, чем выгорит твоя идея.

Он выпрямился, перевёл взгляд обратно.

— Я понял тебя, — кивнул Итан, возвращая внимание к ватману.

Каллен немного опешил, ведь не ожидал, что Итан воспримет его слова всерьёз. Но это произошло... Значит, если Итан действительно придумает что-либо, то он будет обязан сдерживать слово и подумать.

Керри тихо выдохнула через нос, почти неслышно, и сместила вес на другую ногу. Напряжение в её теле не исчезло, но стало более собранным, как перед движением.

— Возможно, будем чаще пересекаться, — сказала она, переводя взгляд на Каллена.

В голосе снова появилась лёгкость, но теперь она не скрывала, а подчёркивала происходящее. Она шагнула ближе, не к Итану — к Каллену, сокращая дистанцию.

— Можем начать сегодня, — добавила Керри. — Я знаю одно место.

Она не смотрела на Итана, не искала его реакции. Каллен перевёл взгляд на него сам. Итан не отреагировал. Ни движения, ни взгляда, ни даже микросдвига в позе — как будто предложение прошло мимо него или не имело к нему отношения. Он уже снова смотрел в ватман, пальцы лежали на бумаге, но не двигались.

Каллен вернул внимание к Керри. Уголок рта чуть дёрнулся, но это не было улыбкой.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал он. — У меня ещё дела сегодня.

Тон остался спокойным, без извинения и без жёсткости. Он не отказывался полностью, но и не принимал предложение, оставляя возможность на потом. Керри не настаивала. Взгляд задержался на нём на секунду дольше, чем требовалось для вежливости, и только потом она кивнула.

Глава 3

Дождь не бил по стеклу, а шёл ровно, мелко, оставляя на лобовом стекле тонкую сетку, которую дворники с ленивым скрипом разрезали на секунды чистоты. Каллен держал руки на руле, не сжимая, но и не отпуская, пальцы лежали ровно. В салоне было тихо, только мотор иногда едва заметно подрагивал на холостых, и с заднего сиденья время от времени доносился сухой шорох — пакет с закусками съезжал на поворотах и возвращался обратно.

У дома Сайлы он остановился без лишнего манёвра, заглушил двигатель, и сразу стало слышно, как дождь лег на крышу плотнее, чем раньше. Несколько секунд Каллен сидел, не двигаясь, потом потянулся назад, нащупал пакет, проверил, что он не порвался, и вышел из машины, не закрывая дверь резко. Подъезд встретил привычным запахом сырости и тёплого воздуха от батарей. Лифт он не ждал — поднялся пешком.

Он позвонил один раз. Дверь открылась почти сразу.

Сайла стояла в проёме, чуть опершись плечом о косяк, с леденцом во рту, палочка торчала в сторону, уголок губ был прижат к ней, из-за чего голос, если бы она заговорила, звучал бы глухо. Рыжий хвост на затылке был собран неаккуратно — резинка держала только часть волос, остальные пряди уже выбились и лежали на шее и ушах. Домашние штаны ви-

сели свободно, футболка была явно больше нужного, ткань собиралась складками у талии.

Он прошёл внутрь, уже зная, где что лежит. Дверь за спиной закрылась без хлопка, Сайла осталась на секунду у порога, сдвинула леденец в другой угол рта и только потом развернулась, идя следом.

— Останешься?

Каллен не остановился, только сдвинул плечом куртку, стягивая её на ходу, мокрая ткань чуть зашуршала, когда он перекинул её через руку. Он нагнулся, развязал шнурки, пальцы двигались быстро, без лишней аккуратности. Обувь осталась у стены, поставленная ровно, ведь делал это не первый раз.

— Если коньяк зайдёт, — ответил он, выпрямляясь и уже двигаясь дальше, — и от тебя ближе.

Слова прозвучали без паузы, без намёка на решение. Сайла кивнула, хотя он не смотрел, забрала пакет из его руки, не спрашивая, что внутри, и сразу ушла в сторону кухни.

Каллен прошёл в комнату, не включая свет — он уже горел. На диване лежала сложенная стопка одежды, аккуратно, ровно, без складок. Он остановился перед диваном, провёл взглядом по вещам, не задерживаясь, и сразу потянулся к своей футболке, стягивая её через голову. Ткань на секунду зацепилась за плечи, потом скользнула вниз, и он отбросил её на кресло рядом, не глядя, куда она упала. Штаны он взял с дивана, расправил коротким движением и натянул, ступни

скользнули в ткань, потом вверх, до пояса. Пальцы на секунду задержались на резинке, проверяя, как села, и отпустили.

Сайла вошла в этот момент, остановилась у стола, не подходя ближе, но и не отворачиваясь. Леденец всё ещё был во рту, палочка чуть качнулась, когда она переступила с ноги на ногу. Взгляд зацепился за движение его рук, за плечи, за спину, потом поднялся выше, когда он потянул футболку через голову. Ткань натянулась, на секунду закрыв лицо, потом опустилась, и он провёл ладонями вниз, расправляя её на теле.

— Любуешься? — спросил Каллен, не поворачиваясь к ней сразу, голос ровный, без поддёвки.

Сайла не изменила выражения лица, только сдвинула леденец в сторону, чтобы говорить было удобнее.

— Да.

Ответ прозвучал так же просто, как её движение к столу. Она отвела взгляд, открыла пакет, начала доставать из него закуски, перекладывая на тарелки, не торопясь, но и не растягивая процесс. Каллен повернул голову на секунду, зафиксировал её профиль, потом отвернулся, подошёл к креслу и взял бутылку, которую ранее положила туда девушка.

Сайла двигалась по комнате без лишних звуков, вытаскивая из пакета упаковки и перекладывая содержимое в миски и на тарелки. Пластик тихо шуршал, ножницы коротко щёлкнули один раз, когда она вскрыла плотную упаковку. Запах сыра быстро разошёлся по комнате, смешался с чем-

то солёным и жирным. Каллен в это время уже открыл бутылку, провёл пальцем по горлышку, будто проверяя кромку, и налил коньяк в стакан, не доливая до края. Стекло тихо звякнуло о столик, когда он поставил его рядом.

Они сели почти одновременно, не переглядываясь. Сайла сразу потянулась к еде, не выбирая, просто взяла первое, что оказалось ближе, и хрустнула, не меняя выражения лица. Каллен откинулся чуть глубже в диван, провёл большим пальцем по краю стакана и сделал первый глоток, не спеша проглатывая, давая вкусу разойтись по языку и горлу.

Фильм уже шёл, звук был настроен заранее, и изображение мелькало на стене мягким светом. Они не обсуждали, что включили, не уточняли — это тоже было частью привычки. Обычно на этом моменте всё заканчивалось: звук, еда, редкие движения, и больше ничего. Но сейчас пауза не закрепилась. Каллен наклонился вперёд, поставил локти на колени, сцепил пальцы, не глядя на экран.

— Рейк слишком сильно убивается, — сказал он ровно.

Сайла не сразу повернула голову, дожевала, провела языком по леденцу, который теперь сместился к другой стороне щеки.

— Они были отмечены, — ответила она.

Каллен коротко цокнул, почти незаметно качнув головой, и откинулся обратно, взгляд скользнул по потолку, потом вернулся к экрану.

— Слишком мало времени прошло, чтобы так... — он не

договорил, сделал ещё глоток, — чтобы так развалиться.

Сайла не спорила, но и не соглашалась. Она взяла ещё один чипс, сломала его пальцами пополам, прежде чем отправить в рот, и только после этого спокойно добавила:

— Дело не во времени.

Каллен повёл плечом, будто сбрасывая с него что-то лишнее, и отмахнулся, не поворачиваясь к ней. Стакан снова оказался в его руке, он покрутил его, наблюдая, как жидкость медленно возвращается к стенкам после движения. Он снова наклонился вперёд.

— Я сегодня его видел, — добавил Каллен, чуть тише. — Не одного.

Сайла перевела на него взгляд, не меняя позы.

— С кем?

— С женщиной, — ответил он. — Бывшая, судя из увиденного. И не только коллега. Керри.

Имя он произнёс без акцента, но после него задержал дыхание на долю секунды, будто проверяя реакцию. Сайла не изменилась.

— И?

Каллен провёл языком по зубам, на секунду сжал челюсть, потом отпустил.

— Похоже, он уже не убивается, — сказал он. — Быстро переключился.

Сайла чуть прищурилась.

— Отмеченные не переключаются, — ответила она тихо.

Он снова цокнул, на этот раз громче, и поставил стакан чуть резче, чем собирался — стекло глухо ударилось о поверхность.

— Значит, он исключение, — бросил Каллен.

Пауза повисла, но не опустела. Экран продолжал менять кадры, свет двигался по их лицам, по стенам, по столу. Сайла снова потянулась к еде, Каллен — к стакану. Они сидели рядом, не касаясь, но каждый раз, когда один двигался, второй чуть сдвигался следом, не глядя, будто подстраиваясь на уровне тела.

Каллен не сразу продолжил. Он провёл большим пальцем по краю стакана, будто проверяя, осталась ли там капля, потом поднял его и сделал первый полноценный глоток, не пробный, а уже с намерением. Коньяк лёг плотнее, чем он ожидал, задержался на языке, потом спустился вниз, оставляя после себя тёплый, вязкий след. Он на секунду задержал дыхание, прислушался к этому ощущению, и только потом выдохнул через нос.

— Она другая, — сказал он, не глядя на Сайлу.

Она повернула к нему голову, не сразу, сначала досмотрела кусок сцены на экране, а потом уже позволила себе отвлечься.

— В каком смысле?

Каллен чуть повёл плечом, подбирая не слова — формулировку, которая не требовала бы объяснений.

— Спокойная, — ответил он. — Слишком спокойно дер-

жится рядом с ним. — Он откинулся назад, вытянул ноги чуть дальше, чем раньше, пятки упёрлись в ковёр. Взгляд скользнул по экрану, но не зацепился. — Не выглядит так, будто он её притащил, — добавил он. — Скорее она сама пришла.

Сайла не перебивала. Пальцы снова потянулись к еде, но на этот раз она не сразу положила её в рот, а задержала между пальцами, чуть сдавив.

— И?

Каллен провёл языком по внутренней стороне щеки, чуть сдвинул челюсть.

— Она сильно отличается от Аурелии, — сказал он. — Вспомни её... Ты поймёшь, о чём я, если увидишь Керри.

Сайла слегка нахмурилась, но это движение было почти незаметным.

— Это ничего не значит, — сказала она.

Каллен повернул к ней голову, посмотрел прямо, без давления, но чуть дольше, чем обычно.

— Значит, — спокойно возразил он. — Только пока не понятно, что именно...

Он сделал ещё глоток. Больше.

Фильм продолжал идти, сцена на экране сменилась, звук стал чуть громче, но никто из них не потянулся к пульта. Сайла снова начала есть, на этот раз быстрее, будто заполняя паузу механикой. Каллен смотрел вперёд, но не видел.

— Я останусь, — сказал он через какое-то время.

Сайла кивнула, не глядя на него. Каллен поставил стакан, на секунду задержал на нём руку, потом отпустил. Пальцы разжались медленно. Экран продолжал светиться. Они сидели рядом, не касаясь, но уже чуть ближе, чем в начале.

Девушка не сразу ответила на его последний взгляд. Она вернула леденец в рот, провела языком по поверхности, проверяя вкус, и только потом слегка наклонила голову, не отрываясь от экрана. Свет от него ложился на её лицо неровно, кусками, и в этих перепадах становилось видно, как она думает — не словами, а задержками дыхания, тем, как медленно она жевала.

— Что ты вообще про это думаешь? — спросила она спустя паузу, не меняя позы.

Каллен не сразу отреагировал. Он поставил стакан на стол, провёл пальцами по виску, будто сгоняя что-то лишнее, и только потом перевёл взгляд на неё. Не напрямую — чуть мимо, за плечо.

— Про что именно?

Сайла вытащила леденец, постучала им о край кружки, оставляя липкий след, и кивнула в сторону, как будто там, за стеной, находился ответ.

— Про его агентство.

Он коротко выдохнул через нос, наклонился вперёд, упираясь локтями в колени. Пальцы сцепились, потом разошлись, ладони легли друг на друга.

— Уйти — не проблема. — Слова вышли спокойно, без

нажима. — Я не один раз в частном агенстве работал.

Сайла кивнула, почти незаметно, и снова уткнулась взглядом в экран. Каллен провёл большим пальцем по краю стакана, подцепил его, но не поднял.

— В Сером Контуре было проще, — добавил он тише. — Мы с тобой туда пришли, когда уже всё было. — Он замолчал, проверяя, стоит ли продолжать. Потом всё же поднял стакан и сделал глоток, задержав жидкость во рту дольше, чем нужно. — А здесь... — он усмехнулся, но звук вышел глухим. — Здесь он хочет собрать это с нуля.

Сайла повернула голову, теперь уже полностью, и посмотрела на него прямо.

— И?

Каллен пожал плечом, но движение вышло жёстким, как будто ткань мешала.

— И это... — он замялся на секунду, подбирая не слово, а форму. — Это дорого... Опасно... Может не выгореть... Возможно остаться ни с чем в конце. — Сайла чуть сдвинула брови, но не перебила. Каллен поставил стакан обратно, не отпуская его сразу, пальцы ещё секунду держались за стекло. — Идея, сама по себе, нормальная, — добавил он, уже тише. Он провёл рукой по лицу, останавливаясь на подбородке, где ещё оставалась лёгкая щетина. — Даже... — уголок рта дёрнулся. — благородная, если так смотреть.

Сайла хмыкнула, тихо, без усмешки.

— Но?

Он посмотрел на неё, теперь уже прямо, и в этом взгляде не было ни вызова, ни ожидания — только фиксация.

— Но это не та вещь, которую можно сделать криво. Где можно облажаться...

Сайла отвела взгляд первой. Она поставила кружку на столик, не глядя, чуть промахнувшись и зацепив край. Жидкость внутри качнулась, но не пролилась.

— Он всё равно не остановится, — сказала она, почти вполголоса.

Каллен не ответил сразу. Он только откинулся назад, упираясь затылком в спинку дивана, и на секунду закрыл глаза. Дождь за окном стал громче, звук стекал по стеклу, дробился.

— Да, — сказал он наконец.

Он открыл глаза, посмотрел на экран, где кто-то снова говорил, двигался, но смысл всё так же не складывался. Рука снова потянулась к стакану. Палец прошёлся по влажному стеклу, собирая конденсат, потом вытер его о штанину, не глядя. Взгляд на секунду зацепился за экран, где сцена сменилась другой, но он её не уловил. Внутри осталась только та короткая переглядка — быстрая, почти незаметная, но слишком синхронная, чтобы быть случайной.

— Я спросил его про деньги. — вновь заговорил Каллен. Сайла не повернулась, только перестала жевать. — Откуда он их возьмёт. — Мужчина чуть наклонился вперёд, локти снова нашли колени, пальцы сцепились, потом разошлись.

— Он не ответил. — Посмотрел на неё. Она на него.

Сайла медленно вынула леденец, положила его на край кружки, оставив ещё один липкий след. Пальцы на секунду зависли в воздухе, потом легли на колено.

— И?

Каллен пожал плечом, но движение вышло сдержанным.

— Ничего. — Он поднял стакан, сделал глоток, на этот раз не проверяя вкус, и поставил обратно чуть резче, чем раньше. Стекло тихо стукнуло о столик. — Сказал, что это сейчас не важно.

Сайла нахмурилась, но не резко, а медленно, как будто мысль заходила с запозданием. Она подтянула ногу под себя, ткань штанов натянулась на колене.

— Но ведь это и есть самое важное. — Каллен усмехнулся, уголок рта дёрнулся, но глаза остались пустыми. — Без денег ты нихрена не сделаешь...

Он откинулся назад, запрокинув голову, и на секунду закрыл глаза. Дождь за окном ударил сильнее, звук стал плотнее, заполняя паузу. Сайла повернула голову и посмотрела на него прямо. Взгляд был ровный, без давления, но не уходящий. Каллен открыл глаза, медленно перевёл взгляд на неё. Несколько секунд никто не двигался. В комнате остался только звук дождя и приглушённый голос с экрана.

— Не думаю, что готов жертвовать своей задницей ради этого.

Слова вышли спокойно, без повышения голоса, но с жёст-

кой фиксации. Он не отвёл взгляд. Сайла ответила не сразу. Она просто смотрела, не моргая, потом чуть наклонила голову.

— Ты утром говорил другое.

Каллен сдвинул брови, едва заметно.

— Я говорил, что не вразумил его тогда.

Она кивнула.

— И что это означает?.. — медленно спросила девушка.

Он задержал взгляд, потом отвёл его в сторону, на столик, где стоял стакан. Пальцы снова потянулись к нему, но остановились на полпути.

— Его не безопасно оставлять одного... — вдумчиво проговорил мужчина. Через пару секунд нахмурился и снова посмотрел на неё. — Ты меня уговариваешь сейчас что ли?

Сайла невинно покачала головой.

— Я лишь напомнила тебе о твоих же словах.

Леденец тихо стукнулся о керамику, когда она снова взяла его в рот. Каллен откинулся назад, упираясь затылком в спинку дивана, и закрыл глаза. Рука всё-таки дотянулась до стакана, пальцы обхватили его крепче, чем раньше. Она не смотрела на него в этот момент, взгляд держала на экране, но внимание уже ушло. Пальцы сжали почти пустую палочку от леденца, потом она медленно провела языком по зубам, проверяя, не осталось ли сладкого привкуса.

Стакан в руке Каллена качнулся, жидкость внутри лениво коснулась стенок, и он на секунду задержал дыхание, прежде

чем сделать глоток. Коньяк уже не удивлял — ложился привычно, растекался теплом, но внутри оставалось ощущение, что этого недостаточно.

— У него под ногтями была грязь, — вновь заговорил мужчина.

Он сказал это ровно, не меняя интонации, не отрывая взгляда от экрана, где кто-то что-то говорил слишком громко. Сайла тихо хмыкнула, потянулась к тарелке, нашла последний целый чипс, сломала его пополам пальцами.

— Он не спал нормально. Не ел. Ты сам видел, в каком он виде. Руки помыть — не приоритет.

Каллен медленно повернул голову, посмотрел на неё, не моргая. Она всё ещё не смотрела в ответ, сосредоточилась на том, как крошки остаются на подушечках пальцев, как они липнут к коже.

— Это не та грязь... — Он чуть наклонился вперёд, поставил локти на колени, стакан остался в руке. — От него пахло землёй.

Сайла остановилась. Половинка чипса зависла в воздухе, потом она опустила руку, положила её обратно на тарелку, аккуратно, как будто боялась, что она рассыплется сильнее.

— И?

Каллен провёл большим пальцем по краю стекла, потом поднёс стакан к губам, но не пил, просто задержал. Она повернулась к нему. Медленно, без резкого движения, но взгляд уже не был рассеянным. Брови чуть сдвинулись.

Фильм на фоне сменил сцену, свет от экрана прошёлся по её лицу, зацепился за ресницы, за край щеки.

— Мы не знаем, где он был... — проговорил он.

Его голос стал ниже, без прежней лёгкости. Сайла не ответила. Она провела рукой по колену, стряхивая невидимые крошки, потом снова посмотрела на него, уже прямо.

— И деньги, что взялись понятно откуда... Он же ещё купил то здание, представляешь?

Брови девушки коротко метнулись вверх.

Каллен медленно поднёс стакан к губам, сделал глоток. На этот раз дольше держал жидкость во рту, прежде чем проглотить. Он не посмотрел на неё. Стекло снова коснулось губ. Глоток. После опустил стакан, задержал его в руке и поставил обратно на стол, чуть сдвинув его от себя, как будто освобождая место.

Экран дернулся яркой вспышкой, звук резко подскочил, и Сайла, не отрывая взгляда, автоматически потянулась за очередным чипсом, но миска уже почти опустела — пальцы скользнули по дну, зацепили только крошки. Она недовольно сжала губы, стряхнула их в рот и провела языком по внутренней стороне щеки, где до сих пор лежал леденец, уже почти стертый до тонкой липкой пластинки.

Каллен рядом не двинулся, только чуть сдвинул стакан ближе к себе и наклонил его, наблюдая, как жидкость медленно собирается у края. Он не пил сразу — задержал, посмотрел в экран, где кто-то бежал, спотыкаясь, и только по-

том сделал глоток, короткий, без прежней растяжки. Плечо под его футболкой дернулось, когда он откинулся глубже, почти упираясь затылком в спинку дивана.

Она подтянула ноги ближе, колени коснулось его бедра, но уже плотнее, чем раньше, и осталась так, не убирая. Рука соскользнула по ткани штанов, задержалась на секунду, потом вернулась к столу, где она на ощупь нашла упаковку и начала разрывать её, не глядя. Плёнка треснула. Запах сыра снова поднялся в воздух.

Каллен повернул голову на звук, на секунду отвлёкся от экрана, проследил за её руками, как она пересыпает чипсы в миску, и только потом снова уставился вперёд.

— Ты вообще это смотришь? — спросил он, но без интереса, скорее по привычке.

— Местами, — Сайла пожала плечом, закинув чипс в рот. — Тут всё понятно.

Он хмыкнул и снова сделал глоток.

Пауза между ними уже не была пустой. Она наполнилась мелкими движениями — хрустом, звуком стекла о дерево, дыханием, которое иногда сбивалось, когда разговор подбирался слишком близко и потом снова уходил в сторону. Фильм продолжал идти, но уже не тянул на себя внимание.

Каллен поставил стакан и провёл пальцами по подбородку, задержавшись у губ, где остался слабый вкус алкоголя.

Глава 4

Тарелки стукались друг о друга коротко и глухо, как будто звук тоже знал, что его здесь не должно быть много. Тёплый свет над столом собирал всех в круг, но не держал — девочки уже тянулись из него наружу, локтями, коленями, словами, которые перебрасывали друг другу, не глядя. Одна подхватывала, вторая заканчивала, обе жевали быстро, почти не чувствуя вкуса, лишь бы быстрее освободиться. Роан держал вилку в пальцах дольше, чем нужно, не спеша подносил ко рту, следил не за едой — за ними. Как двигаются плечи, как они переглядываются, как синхронно тянутся к стаканам, не замечая этого. Соль на языке почти не ощущалась.

— Мам, можно... — одна начала, уже поднимаясь.

— ...мы потом доедим? — вторая закончила, не дожидаясь разрешения.

Женщина кивнула, даже не посмотрев в их сторону, и это кивок был привычнее слов. Девочки переглянулись, почти улыбнулись и так же одновременно встали, отодвигая стулья с лёгким скрежетом. Шаги в коридоре быстро затихли, дверь в их комнату закрылась не до конца — осталась щель, из которой тянуло тихим шорохом.

Роан проводил их взглядом. Не сразу вернулся к тарелке. Пальцы разжались, вилка опустилась с тихим звоном. Выдох вышел через нос, короткий, как будто он сдерживал его долъ-

ше, чем хотел. Его жена не сразу заговорила. Она подвинула его пустой стакан ближе к себе, налила воды, поставила обратно, чуть ближе, чем было. Только потом подняла взгляд.

— Ты почти неделю ходишь хмурной, — сказала она ровно, без вопроса. — Ешь, смотришь в сторону и будто не здесь.

Роан дёрнул плечом, как будто стряхивал с него чужую руку. Потянулся к стакану, сделал глоток, не глядя на неё.

— Работа.

Слово легло между ними плоско, без веса. Женщина кивнула, принимая его так же, как и кивок девочкам — без сопротивления, но и без остановки.

— У тебя работа не меняется неделями, — она откинулась на спинку стула, складывая руки на столе. — А лицо — да.

Он усмехнулся краем губ, но это не дотянулось до глаз. Вилка снова оказалась в руке, он поддел кусок, поднёс ко рту, прожевал медленно, давая себе время не отвечать. Глотнул.

— Встретил одного, — сказал наконец, не поднимая взгляда. — Из старых коллег.

— Из «Контура»?

Короткий кивок.

— Пойду уложу девочек.

Роан не сразу зашёл в детскую. Постоял у проёма, прислонившись плечом к косяку, слушая, как они переговариваются — вполголоса, но быстро, перебивая друг друга, как

будто боятся не успеть сказать. Полоса света из их комнаты лежала на полу, резала тёмный коридор на две части. Он провёл пальцами по шее, сжал её сзади, чуть надавив, и только после этого толкнул дверь.

Они уже лежали, но не спали. Одна — на животе, уткнувшись в подушку, вторая — на спине, глядя в потолок. При его появлении обе замерли на секунду, потом синхронно повернули головы.

— Уже? — спросила одна, щурясь.

— Уже, — ответил Роан, проходя внутрь.

Он сел на край кровати, матрас тихо просел под его весом. Рука автоматически легла на одеяло, поправила складку, потом задержалась, пальцы чуть сжались на ткани. Роан говорил с ними коротко, почти без слов, больше жестами: поправил подушку, пригладил волосы, проверил, укрыты ли ноги. Девочки не сопротивлялись, но и не липли — привычно приняли его присутствие, как часть вечера, которая должна быть.

— Завтра встанете без криков? — спросил он, глядя на обеих по очереди.

— Если ты не будешь будить раньше, — отозвалась вторая.

Уголок его рта дёрнулся.

— Посмотрим.

Они затихли быстрее, чем обычно. Он ещё посидел, слушая их дыхание, как оно выравнивается, как одна чуть по-

ворачивается на бок, поджимая колени. Только когда паузы между вдохами стали длиннее, Роан поднялся и вышел, закрыв дверь мягко, оставив щель.

На кухне вода уже стекала по стенке раковины тонкой струёй. Жена стояла к нему спиной, плечи чуть опущены, руки заняты посудой. Он остановился в проходе, не заходя сразу, наблюдая, как она двигается — спокойно, без лишних жестов, как будто разговор ещё не закончился, просто перешёл в другое состояние. Роан сделал шаг внутрь, упёрся ладонью в стол, склонился вперёд, опуская голову. Дерево под пальцами было тёплым.

— Регина... — шепнул он, привлекая внимание жены. — Он хочет с нуля создать частное агенство.

Женщина не обернулась. Только перекрыла воду, поставила тарелку в сушку, вытерла руки полотенцем.

— Это плохо? — спросила она.

— Само по себе нет, — Роан выпрямился, провёл рукой по лицу, как будто стирал что-то липкое. — Трудность в том, что он не просто частное агенство хочет открыть... — Они посмотрели в глаза друг другу, — он хочет создать то, куда могут обращаться оборотни за помощью.

Она повернулась к нему, опираясь бедром о край стола.

— Не понимаю... в чём проблема?

Роан нахмурился и сел на стул.

— В том, — он пожал плечом, — что все, кроме него, пока работают в полиции. — Регина нахмурилась, всё ещё

не понимая. — Когда мы перешли в полицию, то нас начали сильно душить, — спокойно пояснил Роан. Женщина кивнула. — После нас всех перевели в разные учаськт. Сложно предсказать, что случиться, если в полиции станет известно, что мы... работаем на два фронта, грубо говоря.

Она снова кивнула, принимая, не оценивая.

— Тебя смущает только неизвестность?

Роан коротко выдохнул, прошёлся по кухне, остановился у окна. Тёмное стекло отразило его силуэт — размытый, ссутуленный чуть больше, чем обычно.

— Не только... — сказал он, глядя в отражение. — У нас не будет права на ошибку, как мне кажется... К тому же... Когда я работал в Сером Контуре, то у меня было много работы. Я дома был не частым гостем.

— Но каждый раз, когда ты возвращался, — спокойно напомнила она, — ты хоть и был уставшим, но ты был счастливым.

Он усмехнулся, не оборачиваясь.

— Ты права...

Регина подошла ближе, но не вплотную. Остановилась на расстоянии вытянутой руки.

— В полиции же ты, словно на каторгу ходишь, — уточнила она.

Роан хмыкнул.

— При создании чего-то с нуля... — он замолчал на пару секунд, проведя взглядом по полу, — я могу вовсе дома не

появляться. Не хочу заставлять вас скучать по мне.

— Девочки тебя любят, — мягко проговорила она, подходя ближе к мужу. — И я тебя люблю. Ты не обязан оставаться там, где тебе не нравится.

Он кивнул.

— Но в полиции есть стабильность, как бы мне она не нравилась...

Пауза растянулась, но уже плотнее. Женщина чуть наклонила голову.

— А если отбросить страх неизвестности, — проговорила она, — что остаётся?

Роан поднял на неё взгляд, опёрся спиной о подоконник. Руки сложил на груди, пальцы вцепились в ткань футболки.

— Ответственность, — сказал он после короткой паузы. — За всё и всех.

— И?

Он смотрел на неё дольше, чем нужно, словно проверял, выдержит ли она этот взгляд.

— И шанс, — добавил он тише. — Шанс сделать нечто реально хорошее... Его идея не лишена смысла. Да, она очень сырая, но в этом есть структура. Да и кто это ещё сможет воплатить в жизнь... если не те, кто работал и там, и там?

Регина кивнула.

— Что ты потеряешь, если решишь не идти за ним?

Он усмехнулся, но уже без защиты.

— Наверно... возможность, — шепнул он, — стать частью

начала того, что может изменить... отношение к оборотням.

— А если пойдёшь?

— Спокойствие и стабильность, — проговорил он, и уголок губ дёрнулся. — Неизвестно, когда всё стабилизируется. Когда это будет приносить деньги.

Она чуть выдохнула через нос, почти улыбнулась. Роан оттолкнулся от подоконника, прошёл мимо неё, остановился у стола. Пальцы снова упёрлись в дерево, но теперь он не склонялся — стоял ровно.

— Ты сейчас меня толкаешь на рискованный стартап? — спросил он, глядя на поверхность стола.

Жена покачала головой.

— Стараюсь помочь тебе посмотреть на это с двух сторон, — ответила она.

Он провёл ладонью по лицу, задержался на глазах, на секунду сжав их. Снова сел на стул.

— Мне страшно, — шепнул Роан, посмотрев в сторону коридора, где была детская комната.

— Что именно?

— Они скоро войдут в этот мир взрослыми девушками... — сказал он, не глядя на жену, будто продолжал мысль, которую не озвучивал раньше. Он сдвинул вилку, выровнял её параллельно ножу. — Не сейчас... но скоро.

Регина не перебила. Она чуть повернула голову, следя за ним, но не вмешиваясь в этот кусок, давая ему самому дойти до конца.

— Я боюсь, что однажды... — Роан поджал губы, посмотрев на свои руки, — они захотят пойти туда, где их жизнь будет висеть на волоске, только потому что им запрещено обращаться... — Мужчина посмотрел на жену. — Что однажды их застрелят только потому... что на их шее висит бирка белой вороны... Я боюсь, что эта затея может отразиться и на вас... Вдруг, кто-то решит добраться до меня через вас?..

Пауза затянулась, но не развалилась. В ней было место и для звука воды в трубах, и для едва слышных шагов наверху, и для дыхания, которое выравнивалось само. Жена опустила взгляд на стол, потом снова подняла на него.

— Если убрать всё это, — она медленно провела ладонью по поверхности, словно сдвигая в сторону невидимые аргументы, — риск, деньги, работу, даже их... чего ты хочешь?

Роан замер. Пальцы, лежавшие на столе, сжались, потом расслабились, потом снова сжались — уже сильнее. Он не посмотрел на неё. Взгляд упёрся в тёмное пятно на скатерти, как в точку, за которую можно держаться. Он вдохнул глубже, чем нужно, задержал воздух, будто проверяя, хватит ли его, и только потом выдохнул через сжатые зубы.

— Я хочу... — он запнулся, чуть качнул головой, словно отбрасывая лишнее, — хочу сделать мир менее жестоким. на сколько это возможно...

Слова прозвучали ровно, почти спокойно, но рука на столе выдала — пальцы сжались так, что побелели костяшки. Он перевёл взгляд на жену, на секунду, не дольше.

— Не потому что надо. Не потому что правильно... Потому что хочу.

Роан не сразу отвёл взгляд после сказанного. Слова ещё держались в воздухе, как тёплый пар над тарелкой, и от этого становилось тесно в груди, будто он сказал больше, чем собирался. Он провёл ладонью по лицу, зацепился пальцами за щетину, потянул вниз, как будто мог этим движением вернуть всё назад.

— Или я уже не в том возрасте, чтобы лезть в такое? — бросил он, чуть хрипло, с попыткой усмехнуться, но улыбка не дотянула до глаз.

Он посмотрел на неё сбоку, не прямо, как будто проверял, как это прозвучало. Жена не ответила сразу. Она выдержала паузу, спокойно, без попытки сгладить, потом чуть наклонила голову, разглядывая его лицо.

— Если бы ты был человеком, я бы поверила, — сказала она ровно.

Фраза легла мягко, но точно, как ладонь на плечо, и в ней не было ни упрёка, ни насмешки — только напоминание о том, кем он остаётся, как бы ни пытался притвориться иначе.

Роан коротко выдохнул, почти фыркнул, опустил взгляд в стол.

Жена двинулась первой. Стул тихо скользнул по полу, она собрала тарелки одну на другую, аккуратно, не задевая приборы, как будто важна была не скорость, а сам процесс. Вода в раковине зашумела, и этот звук заполнил кухню, вытесняя

разговор, оставляя от него только след.

— Не надо решать сейчас, — сказала она, не оборачиваясь, подставляя тарелку под струю. — Переспи с этими мыслями. — Она провела губкой по поверхности, медленно, сосредоточенно. — Утром оно всегда звучит иначе.

Роан смотрел ей в спину, на линию плеч, на то, как она чуть наклоняется вперёд, чтобы достать до края раковины. Он провёл ладонью по столу, задержался пальцами на том месте, где только что лежала его тарелка.

— Я поддерживаю любое решение.

Она сказала это спокойно, как что-то уже принятое внутри. Он поднялся, опираясь ладонями о стол, выпрямился, чуть потянул плечи назад.

— Я люблю тебя, — ответил он, сдвинув уголок губ, теперь уже чуть живее, чем раньше.

Жена обернулась через плечо. Улыбка появилась быстро, короткая, без лишнего.

Мира не сразу села за стол. Комната держала её на расстоянии — тесная, сдвинутая мебелью к стенам, с узким столом, на котором лежал открытый блокнот и ручка, оставленная поперёк страницы. Она прошла мимо, каснувшись спинки стула, отёрнула руку, будто он тёплый, хотя в квартире холодно. Воздух стоял, ни сквозняка, ни звука с улицы — только редкий гул труб в стене. Мира сделала круг, снова остановилась у стола и, не глядя, села. Пальцы долго лежали на ручке,

не сжимая. Потом всё-таки обхватили — слишком крепко, аж суставы белели, и первая строка вышла неровной, буквы зацепились друг за друга.

«Я не знаю, зачем пишу.»

Чернила чуть растеклись на точке. Она посмотрела на неё, потом добавила ниже, уже быстрее, не выравнивая строку.

«Наверное, чтобы не говорить вслух.»

Ручка скребла бумагу, звук раздражал, но она не останавливалась. Ладонь соскальзывала, оставляя серый след от пота, и Мира машинально проводила по нему ребром другой руки, стирая.

Она долго смотрела на уже написанную страницу, не переворачивала её, не добавляла новую. Пальцы лежали на краю стола, ноготь упирался в древесину и медленно царапал лак, оставляя тонкую матовую полосу. В комнате по-прежнему было тихо, и эта тишина начала давить сильнее, чем любые слова — она не глохла, а будто прислушивалась, ждала, что Мира продолжит. Та потянулась за ручкой не сразу, сначала провела ладонью по лицу, задержалась на щеке, будто проверяла, не осталась ли там влага, и только потом снова наклонилась к блокноту.

«Полукровка.»

Она откинулась, упёрлась затылком в спинку стула, на секунду закрыла глаза, и в этом коротком движении была усталость, но не мягкая — скорее натянутая, как мышца, которую долго держали в напряжении.

«Не повезло.»

Она написала это почти спокойно.

«Родиться в семье оборотней и не стать одной из них.»

Строка получилась ровной, почти красивой, и это раздражало. Мира провела по ней ногтем, едва задевая бумагу, проверяя, не сотрётся ли.

«Никто не говорит это вслух.»

Она наклонилась ближе, почти коснулась лбом страницы.

«Но это всегда между словами.»

Ручка снова пошла быстрее, буквы сбивались.

Мира сидела неподвижно дольше, чем нужно, выжидала, что внутри что-то само уляжется и станет тише. Но не становилось. В груди оставалось глухое давление, и оно не уходило ни с выдохом, ни с тем, как она проводила ладонями по лицу, сдвигая кожу вверх, словно пыталась стряхнуть это с себя. Она снова наклонилась к блокноту, не переворачивая страницу, просто нашла свободное место между строками и начала писать поверх уже сказанного, словно не хватало пространства.

«Работа.»

Слово было короткое, сухое, и после него она не сразу продолжила, провела кончиком ручки по краю буквы, размывая линию.

«Смена. Отчёты. Смена. Лица одинаковые. Голоса — тоже.»

Она не ставила запятые, только точки, и от этого текст зву-

чал внутри головы так же глухо, как и выглядел.

«Я среди них.»

Девушка медленно моргнула.

«Но не с ними.»

Она откинулась, упёрлась лопатками в спинку стула, и тот скрипнул под её весом. Этот звук раздражал, Мира чуть вздрогнула, поджала губы, но не двинулась.

«Полукровка.»

Слово появилось снова, уже ниже, и она не перечёркивала его, не прятала — просто оставила, как факт.

«В участке таких почти нет. Удобно держать одну.»

Она вела строку медленно, аккуратно, как будто от этого что-то изменится.

«Для вида. Для толерантности.»

Ручка замерла. Мира смотрела на написанное, и угол губ дёрнулся, но это была не улыбка — скорее короткий сбой.

Мира резко отодвинула стул, встала, прошла по комнате, не глядя под ноги. Шаги были быстрые, но негромкие, и от этого казалось, что она просто скользила вдоль стен. Руки поднялись к лицу, пальцы врезались в виски, потом сползли ниже, по щекам, оставляя тёплые следы. Она остановилась у стены, упёрлась в неё лбом, и на секунду всё замерло. Вернулась к столу резко, почти с раздражением, села и снова потянулась к ручке, не проверяя, где именно пишет.

«Итан писал иногда. Чаще приходил. С ним было...»

Мира зависла, не закончила сразу, сжав губы.

«Проще.»

Ручка скользнула дальше, быстрее, будто она боялась, что если остановится — это исчезнет.

«Шум в голове становился тише. Не чувствовала себя чужой.»

Она на секунду закрыла глаза, и плечи опустились.

«Я могла дышать. Я не была чужой. На самом деле, а не просто на словах.»

Короткая строка. Почти ровная.

«Потом она вернулась. Я подумала — всё вернётся. Всё наладится.»

Мира провела языком по внутренней стороне щеки, медленно, будто проверяя, есть ли там что-то, что можно уку-
сать.

«Он стал другим. И это было нормально.»

Небольшая пауза.

«Наверное.»

Слово вышло неровным. Мира задержала дыхание, сама не заметила этого, пока в груди не начало тянуть. Она резко втянула воздух, и в этот момент взгляд упал на следующую строку.

«Потом она умерла.»

Чернила растеклись сильнее, и она не сразу поняла, что это не из-за ручки. Капля упала на страницу, расплзлась, впиталась в бумагу. Мира моргнула, ещё раз, и вторая капля легла рядом. Она оттолкнулась от стола, встала слишком

резко, стул почти опрокинулся назад. Руки поднялись к лицу, она тёрла глаза, щёки, провела ладонями вниз, по шее, оставляя влажные дорожки. Дыхание сбилось, стало коротким, поверхностным, и она сделала несколько быстрых шагов по комнате, будто пытаясь уйти от самой себя. Стены не двигались.

Мира развернулась, прошла обратно, задела стол бедром, блокнот чуть сдвинулся, но не упал. Она снова села, уже медленнее, словно силы закончились в середине движения. Пальцы на секунду зависли над ручкой, потом сжали её, чуть дрожа.

«Это случилось неожиданно.»

Буквы расплывались. Она писала это медленно, почти аккуратно.

«Даже слишком.»

Мира задержала ручку в конце строки, не двигаясь. Дыхание постепенно выравнивалось, но внутри осталась тяжесть, что улеглась глубже. Она провела ладонью по странице, размазывая чернила там, где попали капли, оставляя серые разводы, и смотрела на них, не пытаясь исправить.

«Я всё ещё думаю о ней.»

Короткая строчка.

«Каждый день.»

Мира опустила руку, не закрыла блокнот, просто оставила его открытым, с неровными строками, пятнами, размытыми словами. Она сидела, чуть сгорбившись, локти упирались в

колени, и взгляд скользил по странице, не цепляясь ни за одну строку надолго.

После закрытия блокнота, девушка долго не решалась открыть его снова. Он лежал на краю стола, слегка перекошенный, будто его уже брали и бросали, и от этого края страниц чуть разошлись.

Квартира держала тишину — не глухую, а ту, в которой было слышно, как холодильник иногда вздрагивал и как вода в трубах коротко щёлкала, будто кто-то прошёлся по стене ногтем. Мира сидела на стуле, потом встала, прошла до окна и обратно, не глядя наружу, только ловя своё отражение в стекле — тёмное, размытое, без выражения. Пальцы сжались на спинке стула, костяшки побелели, потом она всё-таки вернулась, села, подтянула блокнот к себе и раскрыла его не сразу, а сначала провела ладонью по обложке, проверяя, остался ли он тем же. Ручка в пальцах легла неровно, скользнула, и первая строка вышла кривой, будто написанной в спешке, хотя она никуда не торопилась.

«После распада Серого Контура, дни прошли как в тумане.»

Она не перечитывала, не исправляла. Слова ложились коротко, обрывались, как дыхание, когда не хватает воздуха, и каждый раз между ними оставалось больше пустоты, чем самих букв.

Мира задержала ручку над листом, чуть приподняла её, потом снова коснулась бумаги, уже сильнее, будто через на-

жим можно было продать что-то внутри. Девушка откинулась на спинку стула, уставилась в строчку, будто не сама её написала. В груди стало теснее, не больно — просто как если слишком глубоко вдохнуть и забыть выдохнуть. Она провела языком по губам, почувствовала сухость, затем снова наклонилась к тетради.

«Я всегда ими восхищаюсь.»

Пальцы сжались сильнее. Она задержалась, будто ожидая, что сейчас появится что-то ещё — оправдание, смягчение, но ничего не пришло. Только тишина и слабый гул за стеной. Следующая запись пошла быстрее, почти без пауз.

«Фестиваль. Очередь. Люди стояли часами.»

Она остановилась, на секунду прикрыла глаза. В памяти не всплывали лица — только плотность воздуха, запах еды, смешанный с потом и парфюмом, и этот сдвиг, когда толпа слегка наклонялась вперёд, потому что там, впереди, что-то происходило.

«Итан стоял спокойно. Люди тянулись к нему. К Каллену. Лишь бы сфотографироваться. Что же... изменилось? Почему...»

Девушка часто задышала, задавая вопрос сначала у себя голове, и только потом прописав его на бумаге.

«Почему люди вели себя так, словно оборотни — какая-то диковинка? Мы ведь сотни лет живём бок о бок?»

Мира прикусила внутреннюю сторону щеки, чуть сильнее, чем нужно, до металлического привкуса. Она не останови-

лась.

«Праздник стал.»

Она резко выдохнула через нос, словно выталкивая что-то.

«Там было тепло.»

Слово вышло мягче остальных, как будто рука сама ослабила давление.

«Меня не спрашивали. Не проверяли. Я просто была. Была своей. Почему с ними — я своя. А с людьми — нет?..»

Мира отложила ручку, на секунду сжала переносицу, закрыв глаза. В груди что-то сдвинулось, неприятно, как если надавить на синяк, который ещё не прошёл. Она поднялась со стула, прошла по комнате, не замечая, как шаги становились быстрее, почти рваными, остановилась у стены, провела ладонью по лицу, задела волосы, сжала их у виска и отпустила.

Возвращение к столу было резким, будто её туда дёрнули.

«Я люблю родителей. Правда.»

Она задержалась, потом добавила ниже, уже быстрее, неровнее.

«Но иногда...»

Ручка зависла. Она медленно вдохнула, и грудная клетка расширилась до неприятного упора.

«Иногда мне обидно.»

Слово «обидно» она не перечёркивала, не смягчала. Оно осталось, чуть кривое, но читаемое.

«Не иметь формы.»

Мира замерла, глядя на эти два слова, как будто они могли измениться, если подождать. Но они не менялись. Она резко отодвинула стул, встала, прошлась до кухни, не включая свет, открыла шкаф, потом закрыла его, не взяв ничего, вернулась обратно. Дыхание сбилось — не сильно, но достаточно, чтобы чувствовать его в горле.

«Я на работе лишняя.»

Мира коротко усмехнулась, без звука, только уголком рта. Она провела пальцем по последнему слову, размазав чуть-чуть чернила.

«Раньше я даже не замечала, как на них смотрят люди...»

Ручка замедлилась. Мира сжала губы, затем резко продолжила ниже.

«Была увлечена тем, как них смотрю Я.»

Рука зависла над листом. Потом, медленно, почти аккуратно, вывела:

«Я боюсь. Очень. Что так и останусь просто... между.»

Она закрыла глаза на секунду, вдохнула, задержала воздух и выдохнула через рот, медленно.

«Ни там. Ни здесь... Я хочу быть там, где моя раса не имеет значения.»

Девушка долго смотрела на написанные слова, пока снова не продолжила.

«Я боюсь, что это может быть опасно.»

Рука замерла над бумагой. Ручка почти не касалась бумаги.

«Но страшнее быть никем. Если он идёт — значит, есть куда.»

Мира сидела, глядя на написанное, не двигаясь. Потом медленно закрыла тетрадь, ладонью прижала обложку, словно удерживала что-то внутри. Комната снова стала тихой — той же самой, что и до этого, но теперь тишина давила сильнее.

Она не встала. Просто сидела, уставившись в одну точку на столе, где свет от лампы ложился ровным пятном. Ничего не стало проще. Но внутри что-то сместилось.

Глава 5

Сайла сидела рядом уже настолько долго, что перестала замечать время. Оно здесь не двигалось — растягивалось, оседало в углах, впитывалось в стены, в мягкие подлокотники кресел, в складки пледов. Комната жила приглушённо: редкие шорохи, тихие голоса, сдержанные вздохи. Кто-то наклонялся к неподвижному лицу, что-то шептал — не ожидая ответа, просто чтобы звук не исчезал совсем. Кто-то держал ладонь, будто боялся, что без этого человек растворится.

Запах лекарств стоял густой, сладковатый, с металлической нотой. Он оседал на языке, не давая сделать глубокий вдох. Свет был мягкий, но выцветший, как если бы его пропустили через слой пыли.

Мать сидела рядом, чуть ссутулившись, плечо завалено, голова наклонена под неестественным углом, словно мышцы устали удерживать её прямо и просто сдались. Кожа на руках натянута, тонкая, с желтоватым оттенком, под ней прощупали сухие сосуды. Пальцы лежали на коленях — длинные, слишком лёгкие, как чужие. Ногти тусклые, с неровным краем. Губы потрескались, в уголках застыли тонкие белёсые линии.

Веки опускались редко. Слишком редко.

Когда это происходило, движение выглядело почти осмысленным, но взгляд после не находил ничего — сколь-

зил, цеплялся за свет, за тени, за чужие силуэты, не задерживаясь. Ни на чём.

Сайла сидела ровно, не напряжённо, но и не расслабленно. Спина прямая, ладони лежат на своих коленях, пальцы чуть согнуты. Она смотрела на мать не пристально — скорее привычно, как смотрят на что-то, что уже давно стало частью фона, но всё равно тянет взгляд.

Она не сразу потянулась. Сначала просто сидела рядом, давая себе ещё немного времени ничего не делать. В груди было тяжело, но без всплеска — это давление стало привычным, как постоянный груз, который не снимался, но и не усиливался. Потом её пальцы медленно сдвинулись, почти незаметно, и легли рядом с материнской рукой. Касания не было — только расстояние в пару миллиметров, в котором ещё оставалась возможность не переходить границу.

Сайла задержалась. Только после этого она коснулась. Большой палец прошёлся по костяшке, осторожно, почти невесомо. Кожа оказалась сухой и прохладной, без малейшего отклика. Девушка не убрала руку, наоборот — чуть плотнее обхватила пальцы матери, как если бы проверяла, можно ли ещё удержать их в ладони, не боясь, что они сломаются.

Никакой реакции. Она знала это заранее. Всё равно каждый раз проверяла.

Вокруг кто-то тихо засмеялся — коротко, сразу же затих. Где-то рядом прошуршала ткань. Чужие жизни продолжали идти, но не касались её.

Сайла наклонила голову, взгляд стал чуть более сосредоточенным. Не на лице — на деталях. На том, как медленно двигался зрачок. На том, как губы едва заметно подрагивали, будто тело пыталось вспомнить движение. Она сидела так ещё какое-то время, не считая, не фиксируя. Просто оставаясь. Пальцы чуть сжались. Внутри не было вспышки, не было порыва. Только знакомое, глухое давление, от которого хотелось не отвести взгляд, а наоборот — удержать его дольше, чем обычно.

Сайла провела по руке ещё раз, медленнее, чем в первый. И только после этого позволила себе вдохнуть глубже.

Девушка повернула голову не сразу — движение вышло медленным, почти ленивым. Взгляд скользнул по лицу матери, задержался на глазах. Она смотрела дольше обычного, внимательнее, чем позволяла себе раньше, будто выискивала хоть малейший сбой в этой неподвижности — микроскопическое напряжение, случайную фокусировку, что угодно, за что можно зацепиться.

Ничего.

Зрачки двигались так же медленно, не задерживаясь, не узнавая. Веки опустились, поднялись с паузой. Лицо не менялось. Сайла чуть сместилась ближе, почти незаметно, и только после этого протянула руку. Пальцы снова коснулись кожи, но не сразу — сначала скользнули вдоль, едва задевая. Потом легли на кисть, обхватывая её мягко, без давления. Кожа под пальцами была сухой, тонкой, и от этого прикос-

новение казалось почти лишним, как если бы оно не имело куда лечь.

Она провела большим пальцем вдоль костяшек, медленно, раз за разом, не меняя силы. Не ожидая ответа. Не надеясь. Дыхание стало глубже. Не резче — просто чуть больше воздуха входило в грудь, чем раньше. Рёбра расширялись сильнее, задержка на выдохе увеличивалась. Она не следила за этим, но тело уже реагировало само, как если бы пыталось подготовиться.

Пауза затянулась. Сайла не торопилась. Пальцы продолжали двигаться по одной и той же траектории, возвращаясь к началу, повторяя, не ускоряясь. В этом была почти механическая точность — привычка, отработанная до автоматизма.

Она знала, что делает.

Губы приоткрылись, но звук не вышел сразу. Сначала — короткий вдох, чуть глубже предыдущего. Потом — выдох, на котором слова легли ровно, без срыва, без дрожи.

— Мама, почему ты хотела убить папу?

Тишина не изменилась. На долю секунды. А потом тело рядом дернулось. Слишком резко. Пальцы сомкнулись на запястье девушки с силой, которой в этом теле не должно было быть. Не просто сжали — вдавили. Кожа сместилась под давлением, ногти впились. Сайла не сразу поняла, что происходит — сначала было ощущение, будто руку просто зафиксировали, лишили движения. Боль пришла позже. Резко, с опозданием, прорезавшись под кожей, пульсом, кото-

рый сразу ударил в виски. Девушка дёрнулась, попыталась вырвать руку, но хватка только усилилась. Второй рукой она схватила запястье матери, пытаясь разжать пальцы, но те не поддавались.

— Мам...

Слово сорвалось и оборвалось. Крик вышел коротким, сжатым. Лицо матери изменилось. Губы разошлись, челюсть напряглась, обнажая зубы. Это не было выражением — скорее судорогой, попыткой что-то сформировать, удержать. Глаза вдруг перестали блуждать — зафиксировались резко, почти болезненно, и этот взгляд был слишком прямым, слишком живым на фоне мертвенной кожи. Слишком чужим.

Горло дёрнулось. Ещё раз. Губы попытались сложиться в звук, но ничего не вышло — только хрип, вязкий, сорванный. Слюна выступила в уголках, потянулась вниз, нарушая ту хрупкую иллюзию контроля, которая ещё оставалась. Сайла смотрела на неё, не успевая. Реакция запаздывала. Она видела движение, чувствовала боль, но смысл происходящего не складывался сразу. Только спустя секунду тело начало догонять — мышцы напряглись, плечи дернулись, дыхание сбилось, стало рваным. Хватка не ослабевала. И только тогда вокруг прорвался звук.

Сайла не сразу поняла, что именно изменилось. Сначала — движение в воздухе, чужие шаги, быстрые, тяжёлые, с характерной уверенностью тех, кто уже видел это десятки раз. Руки в форме логли на плечи матери, одна — под локоть,

другая — на запястье, и тонкое тело поднялось слишком легко. Женщина дёрнулась, потянулась вперёд, пальцы заскребли по воздуху в том месте, где только что была рука дочери, и на мгновение в этом движении было узнавание — не взгляд, не слово, а чистая тяга, почти инстинкт. Потом всё оборвалось. Лицо погасло, мышцы отпустили, рот остался приоткрытым, и её увели, уже без сопротивления, как пустую оболочку, которая только что на секунду дала сбой.

Сайла не встала. Колени будто не получали сигнала, спина осталась прямой, ладонь лежала на столе в том же положении, где её отпустили. В ушах ещё держался короткий звук собственного вскрика — не громкий, сдержанный, больше выдох, чем голос. Вокруг снова вернулась та же вязкая тишина: кто-то шептал, кто-то тихо плакал, кто-то продолжал сидеть, не двигаясь, как будто ничего не произошло. Это тоже часть привычки. Здесь всё повторялось.

Медсестра появилась сбоку, наклонилась, что-то сказала, но слова прошло мимо. Сайла смотрела не на неё. Взгляд застыл на собственной руке — сначала просто зафиксировал форму, линию запястья, неровный след от чужих пальцев, и только потом заметила, как под кожей начал проступать цвет. Красный не сразу. Сначала — белёсые вдавленные полосы, потом они медленно заполнялись.

Она опустила взгляд ниже.

На полу уже были капли. Тёмные, неровные, растёкшиеся в тонкие лужицы. Они лежали там, как что-то отдельное, не

связанное с телом, и именно это задержало внимание дольше всего. Сайла моргнула один раз, второй, и только на третий вдох дошло, что это её кровь. Не много. Но достаточно, чтобы заметить.

Боль пришла позже. Сначала — тупое давление в запястье, потом — тонкое жжение, будто кожа разошлась не снаружи, а изнутри. Она согнула пальцы, проверяя, слушалась ли рука, и это движение дало вспышку — короткую, резкую, но сразу же затухающую. Сайла не отдернула кисть. Только смотрела.

Медсестра снова что-то сказала, уже ближе, осторожно коснулась локтя, пытаясь развернуть её к себе. Сайла позволила. Не помогла, но и не стала сопротивляться. Взгляд оторвался от пола с задержкой. Внутри было пусто и тяжело одновременно, плотный ком, который не двигался, не рос и не уменьшался.

Она не спросила, куда увели мать. Потому что ответ не изменил бы ничего.

Квартира встретила теплом, которое не грело: запах поджаренного масла, старой мебели, ткани, впитавшей годы, — всё густое, живое, слишком плотное после стерильной тишины. Дверь закрылась за спиной с глухим щелчком.

Отец заговорил ещё до того, как она успела разуться. Голос тянулся из кухни, с лёгкой хрипотцой, будто каждое слово нужно было проталкивать через горло, и в этом уже бы-

ло привычное раздражение, которое не было направлено ни на кого конкретно. Он жаловался на колено, на давление, на то, что в магазине опять всё подорожало, и каждое предложение цеплялось за следующее, не требуя ответа. Сайла сняла обувь медленно, аккуратно поставила её в угол, повесила куртку, и всё это время слушала, не включаясь, позволяя словам проходить сквозь себя.

Кухня была теснее, чем она помнила, или просто так казалось после пространства, где люди сидели и не двигались. Здесь всё было занято: стол, заставленный тарелками, старый чайник с потёртой ручкой, стул с наваленной на него одеждой. Отец стоял у плиты, спиной к ней, и продолжал говорить, не оборачиваясь, будто разговор уже шёл давно, и она просто в него вернулась. Сайла прошла мимо, задела край стола бедром, поймала его рукой, чтобы не сдвинуть, и это движение отдалось в запястье коротким уколом.

Рука автоматически ушла ближе к телу. Рукав — длинный, плотный — натянулся чуть ниже, скрывая бинт, и это произошло без мысли, так же естественно, как дыхание. Она не проверила, видно ли. Просто знала, что не должно.

— Ты бы хоть предупредила, что придёшь, — бросил он через плечо, всё тем же тоном, где больше привычки, чем недовольства. — Я бы что-нибудь нормальное приготовил, а не это.

Сайла уже была у раковины. Включила воду, не спрашивая, взяла губку, начала мыть тарелки, которые и так почти

были чистые. Тёплая вода обволакивала пальцы, скользила по коже, и на секунду показалось, что это может смыть остаток чужого прикосновения, но давление в запястье осталось, глухое, упёртое.

— Нормальное — это что? — спросила она, не поворачиваясь, больше для того, чтобы обозначить своё присутствие, чем из интереса.

— Да хоть мясо нормально прожарить, а не как в прошлый раз, — он фыркнул, поставил сковороду на край плиты, обернулся, наконец, посмотрел на неё быстро, скользко, и тут же отвёл взгляд. — Ты вообще ешь нормально? По тебе не скажешь.

Сайла пожала плечом, движение почти незаметное. Тарелка скользнула в руках, она поймала её, прижала к краю раковины, чтобы не выронить. Капли воды стекали по запястью, впитывались в ткань рукава, и холод от них пробирался внутрь, к коже, где уже было тепло от воспаления.

— Ем, — ответила она коротко.

Он продолжал. Про врачей, которые ничего не понимали, про соседку, которая опять заняла парковку, про телевизор, который «раньше показывал лучше». Каждая тема жила ровно столько, сколько длилось его дыхание, и сразу сменялась следующей. Сайла двигалась по кухне, как по знакомой схеме: вытереть стол, убрать хлеб, переставить кружки, и всё это без лишних звуков, почти бесшумно, как будто она старалась не нарушить этот поток слов, который держал пространство

заполненным.

Иногда он бросал на неё быстрые взгляды, как будто проверял, слушает ли. Она кивала, когда нужно, или издавала короткий звук в ответ, но чаще молчала. Внутри не было сопротивления, не было желания спорить или что-то доказывать. Только усталость, плотная, вязкая, которая ложилась в грудь и не давала вдохнуть глубже.

— Тебе, кстати, уже тридцать, — сказал он вдруг, как будто это было продолжение предыдущей мысли, хотя между ними не было связи. — Пора бы уже задуматься.

Сайла на секунду замерла, губка осталась в руке, вода продолжала течь. Число прошло через неё без реакции, но тело всё равно откликнулось — лёгкое напряжение в плечах, почти незаметное.

— Тридцать один, — тихо исправила она, почти шёпотом, больше себе, чем ему.

— Что? — он повернул голову, не расслышав.

— Ничего, — так же спокойно ответила Сайла, выключила воду и поставила тарелку сушиться. — Подумаю.

Он что-то пробормотал в ответ, недовольно, почти обиженно, ушёл обратно к плите, и разговор снова развалился на бытовые жалобы. Сайла взяла полотенце, вытерла руки, задержалась на секунду дольше на левом запястье, ощущая под тканью неровность бинта. Давление уже не было острым, но оно было, как напоминание, которое не требовало внимания, но не исчезало.

Она повернулась к нему, посмотрела на его спину, на то, как он стоял, чуть сгорбившись, как поправлял что-то на плите, и в этом была своя форма неподвижности — не пустота, как у матери, а застревание в одном и том же дне, который тянулся годами.

— Тебе что приготовить? — спросила Сайла, голос ровный, без интонации, просто следующий шаг.

Он не ответил сразу. Или не услышал. Продолжал говорить про что-то своё, не оборачиваясь, и слова снова заполнили кухню, плотные, бесконечные.

Сайла сделала вдох. Медленный, глубокий. И почти без паузы, тем же спокойным голосом, в который не было вложено ничего лишнего, задала вопрос, который не относился ни к ужину, ни к его жалобам, и не ждал ответа:

— Почему тебя хотела убить мать?

Отец не ответил сразу. Слова Сайлы будто не просто долетели до него, а задели по пути что-то внутри — движение у плиты оборвалось, ложка осталась в руке, зависла над сковородой. Он медленно повернул голову, не до конца, только настолько, чтобы видеть её боковым зрением.

Тишина легла на кухню резко, почти ощутимо. До этого слова заполняли пространство, текли без остановки, а теперь воздух стал плотным, вязким, и даже звук плиты — тихое шипение масла — вышел на первый план. Сайла не двигалась. Стояла у раковины, полотенце в руках, пальцы чуть сжаты на ткани, как будто она держала не его, а что-то более

твёрдое.

Он обернулся полностью.

Смотрел прямо. Дольше, чем нужно для обычного взгляда, и в этом не было злости и не было удивления — скорее усталость, в которой было слишком много уже прожитого. Губы чуть приоткрылись, но слова не вышли. Отец выдохнул через нос, коротко, почти раздражённо, и отвернулся обратно к плите.

— Понял, — бросил он глухо, не глядя на неё. — Молчу.

Ложка снова коснулась сковороды, но движение уже было другое — неуверенное, с паузами, будто рука забывала, что должна делать. Он перемешивал что-то слишком долго, потом резко выключил плиту, отставил посуду в сторону и остался стоять, опираясь ладонями о край стола. Спина напряглась, потом чуть опустилась, и это выглядело не как расслабление, а как уступка чему-то, что давило изнутри.

Сайла смотрела на него. Не в лицо — в плечи, в линию спины, в то, как он держался за стол, будто за единственное устойчивое. Внутри не было ожидания ответа. Было только узнавание этой паузы, этой формы тишины, когда вопрос оставался висеть, но уже не требовал реакции.

Рука под полотенцем пульсировала глухо, ровно, и это ощущение вдруг стало слишком заметным. Сайла чуть сдвинула ткань, не открывая запястье, просто меняя давление, и на секунду дыхание сбилось, коротко, почти незаметно. Она не смотрела на рану. Смотрела на отца.

— Я понял, — повторил он тише, почти себе, и в этом уже не было раздражения. Только усталость.

Тишина в кухне стала привычной.

И в этой тишине вдруг слишком ясно проступила другая — та, где женщина смотрела в никуда, где пальцы сжимались до боли, где слова так и не складывались в звук. Сайла моргнула медленно, один раз, и картинка перед глазами на секунду сместилась: спина отца наложилась на худое тело матери, живое движение — на резкий рывок, и это совпадение длилось ровно столько, сколько нужно, чтобы не стать воспоминанием, а остаться ощущением.

Она не отвела взгляд — потому что в этот раз поняла: если остаться на месте, ответа не будет.

Дверь открылась раньше, чем он успел постучать второй раз. Мать стояла на пороге, уже вытянув руки, будто подхватывала его из движения. Объятие получилось плотным, тёплым, неформальным — не короткое «привет», а с задержкой, в которой чувствовалось: она не просто рада, она проверяет, что он действительно здесь. Щекой упёрлась в его плечо, вдохнула, задержалась ещё на секунду дольше, чем нужно, и только потом отпустила.

Отстранилась с тем самым недовольным выражением, которое появлялось у неё всегда — быстрый взгляд сверху вниз, будто пересчитывает, всё ли на месте, нет ли новых повреждений.

— Осунулся, — сказала она, уже отворачиваясь вглубь квартиры. — И пахнешь...

Каллен коротко усмехнулся, скинул куртку, стряхивая с неё снег, и задержался на секунду в прихожей, будто давая себе время войти не только телом. Здесь было по-другому. Теплее. Проще. И это расслабляло — но не полностью. Плечи опустились, дыхание стало ровнее, а взгляд всё равно оставался цепким, как на работе, только без жёсткости.

Квартира не менялась. Те же обои с потёртыми углами, тот же ковёр, который уже не пытались выбить до чистоты, та же расстановка мебели, будто любое движение могло нарушить что-то важное. На кухне — знакомый набор: чайник, кружки, корзинка с печеньем, которая всегда стояла в одном и том же месте.

Мать двигалась быстро и точно. Без лишних пауз, без раздумий. Достала кружки, поставила на стол, включила чайник, уже на ходу поправила занавеску, которая съехала на пару сантиметров. В её движениях было что-то устойчивое, почти упрямое — как будто она не позволяла себе остановиться. Каллен прошёл за ней, сел на привычное место, провёл ладонью по краю стола. Дерево было тёплым, чуть шершавым. Он не сразу потянулся к сладкому, сначала просто смотрел, как она наливает чай, как держит кружку — уверенно, без дрожи.

На её шее, как всегда, висели два кольца. Одно — тоньше, второе — массивнее, чуть стёртое по краям. Они почти не

двигались, только иногда цеплялись друг за друга, издавая тихий, сухой звук.

Мысль мелькнула быстро, почти привычно: почему она так и не сняла их. И почему никого не пустила на их место.

Он не стал задерживаться на этом.

— Сделай себе чай или кофе, — сказала она, пододвигая кружку ближе. — Пока вода не остыла.

Каллен кивнул, взял вафлю из корзинки, что сильно пахла орехами, разломил её пополам, не глядя. Хруст был сухой, громче, чем нужно. Он жевал медленно, слушая, как она начинает говорить — сначала про соседку, потом про цены, потом про то, что стиральная машинка снова ведёт себя странно. Разговор шёл сам, без усилий. Он отвечал коротко, иногда вставлял что-то, больше наблюдал. За тем, как она хмурится, когда вспоминает что-то неприятное. За тем, как улыбается уголком губ, когда речь заходит о мелочах.

Каллен не сразу подошёл к окну. Сначала просто сидел за столом, слушал, как мать двигается по кухне — уверенно, без лишних пауз, как будто тело помнило каждое расстояние между предметами. Чай остывал быстрее, чем он пил, и это тоже было привычно. Взгляд скользнул в сторону сам, без решения, зацепился за рамку на подоконнике и задержался там дольше, чем нужно.

Он поднялся медленно, почти лениво. Подошёл ближе, провёл пальцами по краю подоконника, и только потом взял рамку. Осторожно. Слишком осторожно для куска пластика

и стекла.

На первой фотографии они стояли вплотную друг к другу — четыре фигуры, собранные в одно. Отец держал руку на плече матери, брат, у которого лицо было как две капли воды с ним, чуть наклонён вперёд, с той самой широкой улыбкой, которая всегда казалась чрезмерной, а он сам стоял рядом, не в центре, но внутри этого круга. Там было место для каждого, и это ощущалось не глазами — телом. Как плотность воздуха, в котором ты не один.

Рядом стояла вторая. Каллен перевёл взгляд, не убирая первой из рук. Здесь уже было меньше людей, меньше места. Отец и брат в форме пожарных, стоящие бок о бок, и в этой позе было что-то прямое, устойчивое. Брат светился, не стесняясь этого, а отец смотрел на него так, будто всё, что нужно, уже произошло.

Каллен чуть сжал рамку. На секунду сильнее, чем нужно. За спиной послышался тихий шаг, почти беззвучный, но он уловил его сразу. Мать не торопилась, не окликнула, просто подошла ближе и остановилась рядом. Таз с бельём она поставила раньше — он не услышал, когда именно. Её руки легли на него естественно, без вопроса. Тело подалось вперёд, прижалось к спине, и это движение было таким знакомым, что не требовало ответа. Каллен обвёл её свободной рукой, не глядя, пальцы нашли плечо, задержались там, чуть сжали.

Он ничего не сказал, но внутри грудной клетки что-то

сжалось плотнее, чем до этого. Мама тоже молчала. Только прижалась ближе, и в этом движении было больше, чем в словах.

Каллен стоял так ещё несколько секунд, потом рука, державшая рамку, дрогнула. Сначала едва заметно, потом сильнее. Пальцы сжались, стекло под ними скрипнуло, и мужчина резко поставил её обратно, почти бросил, но удержал в последний момент, не дав упасть. Пластик ударился о подоконник с глухим звуком. Он сразу развернулся и вернулся к столу. Движение получилось резче, чем хотелось. Мать не остановила его. Только на секунду задержалась у окна, потом обернулась и посмотрела на сына уже по-другому — внимательнее, как будто в том коротком жесте успела увидеть больше, чем он хотел показать. Она не подошла сразу. Дала ему сесть, дать рукам занять место на столе, позволить плечам опуститься. Только после этого вернулась и села напротив, не убирая взгляда.

— Что случилось? — спросила она спокойно. Без давления. Но точно.

Каллен не ответил. Сначала просто посмотрел в кружку, потом отвёл взгляд в сторону, как будто искал, за что зацепиться. Пауза затянулась, и в какой-то момент стало ясно — он либо скажет сейчас, либо не скажет вовсе.

— Было бы тебе спокойнее, если бы я снова начал работать частником?

Он поднял глаза только в конце фразы. Слова прозвучали

ровно, но в них не было настоящего вопроса — скорее проверка, как если бы он подставлял поверхность и ждал, что она отразит. Мать не ответила сразу. Пальцы легли на кружку, обхватили её с двух сторон, будто ей нужно было почувствовать тепло, чтобы не спешить. Взгляд опустился вниз, задержался там, потом вернулся к нему.

— Да, — сказала она тихо. — Мне было бы спокойнее... Но ты не должен менять работу из-за этого. Если тебе там... — она чуть запнулась, подбирая слово, — если тебе там лучше.

Каллен коротко усмехнулся. Без веселья. После сам перевёл разговор. Почти сразу после паузы, как будто не выдержал того, как она затянулась, как повисла между ними и начала давить на виски. Он не смотрел на мать, когда говорил, будто это позволяло не брать на себя весь вес вопроса.

— Насколько ты испугалась, когда увидела меня на том вокзале?

Слова вышли тише, чем предыдущие, но резче. Почти сразу, ещё до того как последняя согласная растворилась в воздухе, он понял — зря. Это не тот вопрос, который можно задать и оставить без последствий. Не тот, который можно отмотать назад.

Мать не ответила. Она даже не подняла на него глаза. Только взгляд опустился в кружку, и в этом движении было что-то слишком медленное, как если бы она специально давала себе время не реагировать сразу. Пальцы сжались во-

круг керамики, суставы побелели, и по тому, как они напряглись, стало ясно — она еле держится. Слезы появились без звука. Сначала просто блеск на коже, потом тонкая линия под глазом, которую она не сразу стёрла. Ни всхлипа, ни вдоха глубже обычного — только влажность, которая не вписывалась в остальное лицо.

Каллен отвёл взгляд первым. В груди что-то сжалось, не резко, а плотным, глухим комком, и он сразу попытался от него отступить, как от горячего, который уже обжёг, но ещё не до конца.

— Я... — он выдохнул, сбился, провёл ладонью по затылку, — не стоило... Успокойся, — добавил он уже тише, но это прозвучало не как приказ, а как попытка что-то вернуть на место. — Я глупость сказал.

Она вдохнула, коротко, через нос, и этот звук оказался громче, чем её слёзы. Пальцы наконец отпустили кружку, и одна рука поднялась к лицу, не спеша. Кожа под глазами осталась влажной, но она уже смотрела на него. И в этом взгляде не было упрёка. Только усталость. И привычка.

— Если хочешь, чтобы я успокоилась, — сказала она, и голос вышел ровнее, чем можно было ожидать, — тебе пора бы самому успокоиться. — Она чуть наклонила голову, уголки губ дрогнули, и это движение было почти шуткой. — Перестать приходить ко мне каждый раз с новым женским запахом.

Каллен хмыкнул, чуть громче, чем нужно. Смех вышел

коротким, обрезанным, но он всё-таки позволил ему прозвучать, как если бы это могло закрыть тему.

— Серьёзно? — он откинулся назад, покачал головой. — Я ещё половину жизни не прожил, а ты уже... — Он замолчал на секунду, подбирая слово, но не закончил фразу, только махнул рукой. — Тащишь меня к алтарю?

Она пожала плечами, не споря, но и не соглашаясь полностью. Взгляд всё ещё держался на нём, мягче, чем раньше, но внимательнее.

Дальнейший разговор стал легче. Снаружи. Каллен снова взял кружку, сделал глоток, хотя чай уже остыл и оставлял на языке чуть горький, затхлый привкус. Он не поморщился. Только задержал чашку в руках дольше, чем нужно, будто тепло всё ещё могло передаваться сквозь керамику.

Смех отступил быстро. Под ним осталось то же самое — плотное, неразобранное, с тем же вопросом, который он уже задал и не получил ответа. И с тем, что теперь висело между ними, не исчезая, просто смещаясь глубже.

Каллен на мгновение вернул взгляд к своей руке. Сжал пальцы в кулак. Отпустил. Спокойнее не стало — и он впервые понял, что уже не станет.

Глава 6

Каллен подошёл к зданию, что купил его горе-коллега. Запах ударил в лицо раньше, чем он сделал шаг — густой, вязкий, с металлической горечью. Краска. Слишком много. Он невольно задержал дыхание, но это почти не помогло: запах въедался, оседал на языке, тянулся внутрь. Желание закурить прямо здесь, становилось всё больше.

Внутри было пусто.

Звук шагов разлетелся по первому этажу и возвращался к нему же — глухим, чуть запаздывающим эхом. Все двери открыты настежь, створки покачивались от сквозняка, тихо постукивая о стены. Окна — тоже. Воздух проходил насквозь, как через пустой каркас, выдувая тепло, запахи, снег, всё лишнее. Но краску он не выдувал.

Каллен прошёл глубже, не торопясь. Взгляд скользил по стенам — свежие, ещё сырые местами, слишком ровные для этого здания. Полы были испачканы следами, разводами, пятнами. Где-то стояли банки, открытые, забытые. Где-то валялись тряпки.

Он поднялся на второй этаж. Там запах был ещё плотнее. Сквозняк слабее. Воздух стоял. Мужчина остановился на мгновение, прислушался. Тишина. Не та, в которой кто-то прячется, а та, где просто ничего нет. Только лёгкое поскрипывание где-то в глубине, да собственное дыхание, слишком

заметное в этом пространстве.

Каллен пошёл на звук. Дверной проём был открыт. Он замедлил шаг, почти остановился у порога, прежде чем заглянуть внутрь. Итан сидел на диване, что был сдвинут в середину комнаты. Точнее — сполз в него. Старый, продавленный, с потемневшей обивкой, которая в этом обновлённом пространстве выглядела чужеродно, как оставшийся кусок прошлого, который забыли выбросить. Его тело было неловко сжато, плечо упиралось в спинку, голова завалена вбок. Одна рука свисала, почти касаясь пола. Вторая лежала на колене, пальцы чуть сжаты.

Каллен сделал шаг ближе. Одежда Итана была в пятнах — белые, серые, местами потемневшие, где краска уже успела засохнуть. На рукавах, на груди, на штанах. Краска была даже на коже — на запястьях, на шее, на линии челюсти. Под ногтями — тёмные полосы. На ногах потрёпанные кроссовки.

Голова дернулась чуть сильнее, чем должна была бы при обычном сне, и снова замерла. Дыхание шло неровно, с паузами, будто тело забывало, что должно продолжать. Грудная клетка поднималась рывками. Лицо — напряжённое даже в этом состоянии, как будто он не расслаблялся ни на секунду.

Каллен остановился рядом. Несколько секунд он просто смотрел.

Взгляд прошёлся по лицу — под глазами потемневшие впадины, что никуда не ушла за прошедшие недели, а ста-

ли лишь больше, кожа тусклая, губы пересохшие и потрескались местами. Щетина неровная, местами слишком длинная, местами сбитая. Он выглядел не как оборотень, который не спал пару ночей. Как тот, кто, и Каллен был готов в это поверить, не спал нормально с момента своей пропажи.

Мужчина перевёл взгляд на руки Итана. На то, как они лежат — не расслабленно, а удерживая напряжение, даже сейчас. На пальцы, в которых остались следы работы, усилия, хватки. Он чуть наклонился, прислушался к дыханию. Ближе запах стал ещё сильнее — краска, пот, что-то металлическое, едва уловимое, но цепляющееся за нос. Кровь?.. Запах старой земли. И всё.

Каллен выпрямился. Не коснулся. Не позвал. Развернулся так же тихо, как вошёл, и вышел из комнаты, не оглядываясь.

Шаги снова разошлись по пустому этажу, подхватились стенами и ушли вниз вместе с ним. Сквозняк встретил у лестницы, холоднее, чем был раньше. Он вышел на улицу, прикрыв за собой дверь не до конца. Воздух снаружи был резким, чистым, почти режущим после того, что осталось внутри. Каллен сделал глубокий вдох, задержал его на секунду и медленно выдохнул.

Мужчина отошёл на несколько шагов, к краю тротуара, достал сигарету. Зажигалка щёлкнула с третьего раза — пальцы не спешили, делали всё медленно, как будто времени было больше, чем на самом деле. Пламя дрогнуло от ветра, но удержалось. Он прикурил, втянул дым, задержал его во

рту, не сразу пропуская дальше.

Сквозняк из здания всё ещё тянулся наружу, выносил за собой запах краски, но здесь он уже был слабее, разбавленный воздухом улицы. Дым лёг поверх него, ровнее, привычнее. Каллен стоял, опершись плечом о холодную стену, и смотрел на пустую дорогу перед собой. Машины проезжали редко. Шум был далёким, приглушённым. Внутри здания что-то глухо стукнуло — дверь, окно — и снова затихло.

Он сделал ещё одну затяжку. Пепел потянулся вниз длинной серой нитью, но не осыпался.

Через какое-то время ветер сменился. Вместе с ним пришёл другой запах — тёплый, мягкий, сладковатый. Выпечка. Сыр, тесто, что-то ещё, свежее, только из духовки. Он не сразу повернул голову, сначала просто отметил, как этот запах ложится поверх остального, не смешиваясь, а вытесняя.

Потом посмотрел.

Две фигуры шли со стороны угла. Одна двигалась быстрее, легче, почти подпрыгивая на шаге — Мира. Вторая — ровнее, сдержаннее, держала ритм, как будто под него подстраивалось всё остальное — Керри. В руках у них были пакеты. Керри заметила его первой. Её взгляд скользнул по нему коротко, без задержки. Она что-то сказала Мире, почти не меняя темпа. Мира подняла голову, увидела его и сразу махнула рукой, чуть шире, чем нужно.

Каллен стряхнул пепел, затушил окурочок о подошву и выбросил в урну, не глядя. Потом оттолкнулся от стены и по-

шёл им навстречу. Мира остановилась чуть раньше, чем он подошёл, и сразу сместилась в сторону, под ветер.

— Не ожидала тебя здесь увидеть.

Голос мягкий, но быстрый. Пакет в её руках чуть шуршал, когда она перехватывала его удобнее.

— Решил проверить, как там наш горе-инвестор, — Каллен остановился напротив, взгляд коротко прошёлся по пакетам и вернулся к её лицу. — Спит.

Мира моргнула, чуть нахмурилась.

— Спит? Сейчас?

Керри улыбнулась, но уголки губ остались на месте, без движения глаз.

— Странно. Когда мы уходили, он был вполне бодр. — Она чуть приподняла пакет, будто подтверждая слова. — Мы за едой буквально минут двадцать назад вышли.

Каллен кивнул, коротко, без реакции.

— Видимо, не рассчитал.

Пауза повисла на секунду. Ветер качнул волосы Миры, принёс запах выпечки ближе, поднял падающий снег. Она будто вспомнила о пакете, чуть оживилась.

— Мы принесли... — она замялась на мгновение, потом выдохнула. — Просто чтобы он не забыл поесть.

Каллен хмыкнул, едва заметно.

— Судя по всему, он много чего забывает... Я почуял сыр. Можно?

Мира с улыбкой протянула ему пакет. Мужчина быстро

нашёл то, что хотел, и вернул пакет обратно. Керри чуть наклонила голову, наблюдая за ним.

— Мы стараемся это компенсировать.

Она сказала это спокойно, почти мягко, но в паузе после фразы осталось что-то более плотное. Каллен перевёл взгляд на Миру.

— Ты решила к нему присоединиться?

Мира покачала головой сразу, быстрее, чем нужно было. После поёжилась из-за поднявшегося ветра, от чего мелкие снежинки полетели с куртки на землю.

— Нет. Не совсем. Я просто... — она чуть сильнее сжала пакет, потом расслабила пальцы. — Помочь — да. Присоединиться — нет.

Она подняла на него взгляд, будто проверяя, достаточно ли этого. Каллен смотрел несколько секунд, потом кивнул.

— Значит, пока красишь стены.

— Или мусор выношу, — Мира пожала плечами, чуть улыбнувшись. — Если нужно.

Керри тихо усмехнулась, но без звука, только уголком губ. Она шагнула ближе, сокращая дистанцию почти незаметно.

— Мы сейчас как раз работаем над тем, чтобы у всех было чуть больше уверенности в завтрашнем дне.

Каллен не отвёл взгляд.

— Каким образом?

Керри ответила не сразу. Она провела взглядом по его лицу, как будто выбирая, с какой точки зайти.

— Итан решил, что лучше иметь подстраховку, чем надеяться на удачу... Мы собираем информацию.

— Какую именно?

— Разную. — Керри улыбнулась, на этот раз чуть шире, но всё так же не раскрываясь полностью. — В том числе о тех, от кого зависит ваше положение на работе.

Мира рядом чуть напряглась, это было заметно по тому, как она перестала двигать руками. Каллен не пошевелился.

— Компромат.

— Скорее... — Керри чуть повела плечом. — Варианты.

Каллен молчал. Взгляд его задержался на её лице дольше, чем раньше, потом скользнул в сторону, на здание за её спиной, где из открытых окон всё ещё тянуло краской.

— Уже что-то нашли?

Керри кивнула.

— Есть зацепки. Не всё подтверждено, но направление понятное. — Она говорила спокойно, без спешки, как будто это была обычная рабочая задача. — По некоторым — быстрее, по некоторым — сложнее.

Мира рядом опустила взгляд на пакет, пальцы снова чуть сжались. Каллен перевёл взгляд обратно на Керри.

— И ты считаешь, что это сработает?

Керри выдержала паузу, прежде чем ответить.

— Я считаю, что это лучше, чем ничего.

Ветер снова сменился, принёс запах краски обратно, перебивая выпечку. Мира чуть сморщила нос, но ничего не

сказала. Каллен достал новую сигарету, покрутил её между пальцами, но не поджёг.

— А Рейк? Он тебе платить?

Керри чуть прищурилась.

— Это имеет значение?

— Ты хочешь мне втереть, — медленно, по словам, начал говорить Каллен, вытаскивая зажигалку, — что ты втянула себя в дело, что с вероятностью на восемьдесят процентов, гиблое по... старой дружбе? Я не слепой, Керри. Вы спите? По крайней мере, раньше так точно.

Мира от этих слов только раскрыла недовольно рот, но тут же закрыта. Керри и бровью не повела.

— Лично мне он не платит, — спокойно ответила она. — Он платит агенству, где я работаю. И то только тогда, когда требуется. Сейчас я с ним исключительно по собственному желанию.

Каллен перевёл взгляд на её руки. Чистые. Без следов краски. Ногти аккуратные. Всё на своих местах. Мужчина сделал шаг ближе. Небольшой, но дистанция сократилась. Он остановился ровно настолько, чтобы не касаться, но чтобы ей пришлось чуть поднять взгляд.

— Откуда у него деньги?

Слова легли тяжело, каждое отдельно. Керри выдержала паузу. Дольше, чем до этого. Ветер снова прошёлся между ними, зацепил волосы, утащил запах выпечки в сторону. Каллен посмотрел на Миру, что явно не комфортно себя

чувствовала, а после вернул взгляд на Керри.

— Я не хочу говорить, если Итан решил вам пока не рассказывать, — не меняясь в интонации, проговорила женщина.

Она посмотрела на Миру с улыбкой, наверное пытаясь её успокоить, после вновь вернула внимание к Каллену. Её взгляд прошёлся по его чертам лица, задержались на губах. Её собственная улыбка стала чуть шире, и глаза вернулись к внимательному серому взгляду.

— Но хочу вас уверить, что переживать вам не очень. Ничего нелегального в его деньгах нет.

Мира рядом сжала пакет так, что бумага хрустнула, и тут же ослабила хватку, будто испугалась этого звука. Каллен цыкнул, отошёл на несколько шагов от собеседниц и закурил. Керри пробежалась глазами по мужской фигуре, после из своего пакета достала одну из булочек.

Некоторое время между ними царило молчание. Девушки спокойно ели. Каллен курил в стороне, то и дело кидая взгляд на здание, где, оставалось надеяться, действительно спал Итан, а не вскочил на ноги и снова начал что-то делать.

Вскоре Керри задала вопрос, почти мягко, как будто уточняла что-то бытовое.

— Почему он так выглядит? С ним явно что-то случилось.

Ветер тянул запах краски от здания, перебивая всё остальное. Даже выпечку. Даже табак. Мира держала пакет, прижимая его к себе, как будто это что-то важнее, чем еда. Она не

сразу ответила. Сначала поймала взгляд Каллена, что точно не будет говорить.

— У него... — голос у неё был тихий, без надрыва, — умерла пара.

Слова легли слишком ровно. Лицо Керри стало непроницаемым. Каллен усмехнулся. Коротко. Сухо.

— Пара. — Он сжал сигарету сильнее, чем нужно. Табак внутри треснул. — Сколько они были отмечены? От силы два месяца?

Мира подняла на него взгляд. Не резко. Но сразу.

— Это не...

— Это ничего, — перебил он. — Не надо раздувать.

Мира дернулась, будто от удара, но не отступила.

— Ты не знаешь, какого это.

Он посмотрел на неё. Не сразу. Сначала — вниз, на её руки. Потом — на лицо. Челюсть сжалась так, что на секунду показалось — треснет. Каллен не ответил. Ветер сменился, и запах сигареты снова пошёл в сторону Мира. Она чуть поморщилась, но не сдвинулась.

— Ты не знаешь, какого это — терять отмеченную пару, — сказала она уже тише, но чётче.

— А ты как будто знаешь, — пренебрежительно бросил Каллен, скрывая усмешку за новой затяжкой.

— У меня прародители отмеченные, потому, да, — резко, даже с вызовом бросила Мира, — я знаю о чём говорю. Ты же, судя по твоему поведению, вовсе никогда никого не

терял.

Сигарета дрогнула между его пальцами. Он затянулся. Медленно. Дым задержал в лёгких чуть дольше, чем нужно. После выдохнул в сторону.

— Закрой свой рот. — Без повышения голоса проговорил Каллен. Мира замерла, но взгляд не опустила. — Ты тоже не всё понимаешь.

Он повернул голову. На секунду. Как будто хотел сказать ещё что-то — и не сказал. Керри сдвинулась между ними раньше, чем пауза успела лопнуть.

— Всё, — спокойно, но уже жёстче заговорила она. — Хватит. Вы себя слышите?

Она положила руку Мире на плечо с лёгким давлением.

Никто не ответил. Каллен отвёл взгляд первым. Сделал шаг в сторону. Достал новую сигарету, не глядя. Щёлкнул зажигалкой. Огонёк дернулся на ветру. Мира выдохнула. Тихо. Почти незаметно. Но её пульс сбился — и оба это услышали.

Керри сжала её плечо чуть сильнее.

— Всё нормально, — сказала она, уже мягче.

Каллен не обернулся. Просто затянулся. И на этот раз не стал сдерживать дым. Керри не отпустила плечо Мира сразу. Поддержала чуть дольше, чем требовалось, давая паузе не разорваться. Она не смотрела ни на одного из них прямо. Сместила внимание в сторону, как будто разговор закончился сам по себе.

И это сработало. Напряжение не исчезло, но дышать стало

будто легче.

Хруст снега. Шаги. Лёгкие. Неуверенные. Каллен почувствовал раньше, чем увидел — чужой запах. Чистый. Без примеси. Человек. Девушка остановилась в нескольких метрах. Смотрела на здание, потом на них. Не понимая, к кому подойти. Керри отпустила Миру и сделала шаг вперёд первой. Улыбка появилась быстро. Лёгкая. Почти естественная.

— Добрый день. Вы по какому вопросу?

Девушка кивнула, чуть расслабляясь.

— Я по объявлению. Насчёт аренды.

Керри коротко кивнула.

— Подождите минуту.

Она развернулась и быстро вошла внутрь здания. Каллен даже не повернул голову. Слышал, как скрипнула дверь. Как шаги исчезли в глубине. Мира молчала. Смотрела куда-то в сторону, медленно доедая булочку, будто это было сейчас важнее всего.

Прошло меньше минуты. Шаги вернулись. Быстрые. Итан вышел почти сразу за Керри. Каллен заметил это. Слишком быстрый переход. Только что — грязь, краска, спящее тело. Сейчас — прямая спина. Движения резкие. Собранные. Он провёл рукой по лицу, будто стирая что-то лишнее, и сразу переключился на девушку.

— Елена, верно? Вы звонили вчера.

Голос ровный. Даже чуть сухой. Девушка кивнула.

— Да, я хотела посмотреть помещение.

Итан коротко кивнул.

— Первый этаж. Отдельные комнаты. Свет есть, вентиляцию доделаем в ближайшие дни. — Он говорил быстро. Без пауз. Как будто уже не первый раз это объясняет. — Договор стандартный, можем обсудить условия внутри.

Девушка снова кивнула. Итан чуть сдвинулся в сторону, пропуская её вперёд.

— Проходите.

Они зашли внутрь. Дверь слабо хлопнула и осталась открытой. Сквозняк на секунду ослаб. И снова ударил запах краски. Каллен медленно повернул голову к Керри.

— Быстро вы.

Она пожала плечами.

— Итан, кстати, не спал, когда я его нашла.

Каллен усмехнулся. Коротко. Керри посмотрела на него внимательнее. Чуть дольше. Но ничего не сказала. Только кивнула куда-то в сторону входа. Изнутри донеслись приглушённые голоса. Слишком ровные. Нормальные.

— А ты всё ещё слишком напряжённый, — спустя некоторое время проговорила Керри. Каллен выдохнул дыш в сторону, а после встретился с карими глазами, что так и пытались заманить. — Тебе бы это снять... Моё предложение сходиться вместе в бар ещё в силе.

Каллен выдержал её взгляд. Потом отвёл, снова вернул. Только открыл рот для ответа, как внимание Керри упало на дверь. Там стоял Итан, что активно подзывал её рукой.

В стороне же виднелась девушка-арендатор, что постепенно отдалялась. Керри пошла за Итаном. Каллен потушил недокуренную сигарету, выбросил её в урну, а после зашёл в раскрытую дверь вслед за Мирой.

На второй этаж уже слышался нервный голос Итана.

— Где... да где он.... — Итан рванул ящик так, что тот ударился о корпус стола. Бумаги внутри сместились, зашуршали. Он даже не посмотрел. Сразу открыл следующий. — Керри, где договора?

Каллен остановился в дверном проёме. Керри стояла чуть впереди, сбоку, скрестив руки, и просто наблюдала. Итан двигался быстро. Слишком быстро для того, что делал. Руки не попадали в ритм. Он вытаскивал папки, листы, бросал обратно, не разбирая. Один раз зацепил край стола — пачка документов съехала на пол. Он даже не наклонился.

— Я же... — он резко втянул воздух, провёл ладонью по лицу, оставив на щеке тонкую полоску серой краски. — Надо было сразу его подготовить...

Слова шли кусками. Каллен смотрел, как он открывает третий ящик подряд — уже тот, который явно не имел отношения к бумагам. Там лежали какие-то инструменты, обрывки плёнки, пустая банка из-под краски. Итан закрыл его слишком резко. Пауза. Пальцы легли на край стола. Сжались. И он снова дёрнулся к следующему.

Керри вздохнула — почти неслышно — и оттолкнулась от стены. Прошла мимо него, не ускоряясь, не вмешиваясь сра-

зу. Просто подошла к первому ящику, который он открыл в самом начале. Выдвинула. Подняла верхнюю стопку бумаг. Под ней лежала папка. Серая. Плотная. Чистая. Она вытащила её одним движением и развернулась к нему.

— Ты это ищешь?

Итан замер. Секунду смотрел на неё, будто не понял, откуда она это взяла. Потом перевёл взгляд на папку. Рука дёрнулась, но он не сразу её взял. Как будто проверял, не исчезнет ли. Взял. Открыл. Страницы внутри были разложены аккуратно. Чистые, с закладками. Несколько экземпляров. Он пролистал первую. Вторую. Остановился. Плечи медленно опустились.

— Есть, — выдохнул он, почти без звука. — да...

Провёл большим пальцем по краю листа, словно проверяя, что это не иллюзия.

— Я сделала копии ещё вчера, — сказала Керри.

Он кивнул, не поднимая головы. Закрыв папку. Положил её на стол — осторожно, слишком аккуратно для того, как двигался до этого. Потом провёл рукой по переносице. Медленно. Дольше, чем нужно. Развернулся к выходу. И только тогда увидел Каллена. Мужчина замер.

— О... Не заметил тебя. — Голос ровный. Почти. Он на секунду задержал взгляд, будто пытался что-то вспомнить, потом кивнул сам себе. — По поводу тебя...

— Я уже рассказала ему, — перебила Керри.

Он моргнул. Сфокусировал взгляд, после кивнул.

— Да. Хорошо. — Пальцы снова коснулись переносицы. На этот раз быстрее. Уже как привычка. — Пойдёмте вниз. Тут... — он обвёл взглядом комнату, будто только сейчас заметил, где находится, — ещё не проветрилось.

Каллен усмехнулся без звука. Он развернулся и вышел к лестнице первым. Он задержался на долю секунды, глядя на стол. Папка лежала ровно по центру.

Дверь вышла наружу тяжело. Воздух ударил сразу — холоднее, чем ожидалось. Чище. Без краски, без пыли, без этого вязкого слоя, который сидел в горле и не давал нормально вдохнуть. Каллен сделал шаг в сторону и остановился, давая лёгким самому решать, как дышать. Итан вышел следом, уже на ходу разрывая пакет, и даже не надумав надеть куртку. Бумага зашуршала, пальцы зацепили край булочки, и он откусил, даже не глядя, что именно взял. Жевал быстро, почти машинально, будто вспоминал, как это делается. Керри осталась рядом с ним, чуть сбоку, не перекрывая, но и не отпуская. Мира — наоборот, держалась дальше, уже отпустив пакет, как будто свою часть сделала и теперь не хотела мешать.

Двор был тихий. Пустой. Сквозняк из открытых окон тянулся наружу, шевеля пыль и снег у входа. Каллен, что уже снова хотел закурить, перевёл взгляд дальше и остановился. Скамейка. Сайла сидела, чуть отвернувшись от здания, будто это всё её не касалось. Локти на коленях, пальцы сцеплены, взгляд направлен куда-то мимо, в сторону дороги. Ни одного лишнего движения.

— Не ожидал тебя здесь увидеть, — сказал Каллен, подходя ближе и протягивая ей сырную булочку, что вытащил из кармана растёгнутой куртки.

Она повернула голову. Медленно. Взгляд остановился на мне, потом на руке.

— И я тебя. Спасибо.

Их пальцы соприкоснулись на секунду — холодные. Чуть дольше, чем нужно, чтобы просто принять. Она не стала есть сразу. Просто держала. Сзади уже подошли остальные. Керри ускорила — её шаги звучали мягко, но быстрее, чем у нас. Она остановилась перед Сайлой, чуть наклонив голову, оценивая.

— Керри, — представилась женщина и протянула левую руку для приветствия.

Сайла посмотрела на неё, потом поднялась без спешки. Ответила тем же жестом. Их пальцы сцепились. Рукав Сайлы чуть сдвинулся вверх. Каллен увидел. Слабо посиневшая кожа. Тонкие полумесяцы на запястье. Слишком аккуратные, чтобы быть случайностью. Он задержал взгляд на долю секунды дольше, чем следовало. Потом перевёл. Они уже разжали руки.

— Сайла.

Керри кивнула, улыбка осталась, но стала тоньше. Итан опустился на край скамейки, всё ещё жуя. Сел тяжело, как будто колени не до конца держали. Проглотил, провёл ладонью по губам, оставив след муки и краски. Его взгляд за-

держался где-то в стороне. Коротко мотнув головой, словно прогоняя наваждение, он обратил внимание на Сайлу.

— Надумала помогать?

Она покачала головой.

— Нет. — Она посмотрела на него чуть дольше, чем до этого на всех остальных. — Я не готова к этому.

Итан просто кивнул. Без спора. Без давления. Сайла чуть сместилась, меняя положение, и только после этого продолжила:

— Но у меня есть для тебя дело.

Итан замер на секунду, будто слова догнали его с задержкой. Рядом Керри чуть повернула голову. Мира перестала жевать, посмотрев на Сайлу. Каллен остался стоять, не двигаясь.

Скамейка была холоднее, чем выглядела. Дерево впитало вечерний воздух и теперь отдавалось в спину через ткань куртки, будто напоминая, что сидеть — не лучший вариант. Каллен не встал. Локти упёр в колени, корпус чуть вперёд, взгляд — на вход.

Сигарета тлела ровно, без ветра. Дым поднимался вверх и расползлся тонкой плёнкой, но запах краски всё ещё стоял в носу, перекрывая всё остальное. Он втянул глубже, медленно, позволяя табаку перебить это липкое ощущение в горле. Не помогло. Внутри всё равно оставалась та же вязкость, как после долгого крика, которого не было.

Из здания доносились глухие звуки. Шаги. Сдвинутый стул. Что-то коротко стукнуло о стену. Слова — нет. Только рваные обрывки звуков, которые не складывались в разговор. Он прислушался сильнее, наклонив голову, но сквозь них из открытых окон гнал их наружу, ломая, смешивая, не давая ухватить.

Пальцы сжали фильтр чуть сильнее. Пепел дрогнул, осыпался на землю.

Каллен не отвёл взгляда от двери. Даже когда звук внутри затих на секунду, даже когда стало слишком тихо — он не расслабился. Наоборот. Спина напряглась, плечи чуть поднялись, будто тело само готовилось к чему-то, что должно выйти наружу. Он сделал ещё одну затяжку, длиннее, чем нужно, и задержал дым внутри. Грудная клетка на секунду остановилась, будто решила не отпускать. Потом выдохнул через нос. Медленно. Контролируя.

Пусто.

Во дворе не было никого. Машины стояли дальше, за углом, редкие голоса доносились откуда-то из соседнего двора, но здесь — ничего. Только дверь, открытые окна и этот постоянный, почти физический фон изнутри здания, который не давал отвлечься.

Он мог уйти. Мысль появилась быстро и так же быстро осела. Не оформляясь, не разворачиваясь. Просто факт. Пальцы сжали сигарету сильнее. Каллен провёл большим пальцем по краю фильтра, стряхнул остаток пепла и затянул-

ся ещё раз. Дольше. Резче. Дым обжёг горло, заставив чуть сильнее выдохнуть.

Он не сдвинулся с места. Голова чуть повернулась в сторону, когда внутри снова что-то глухо ударило, но взгляд остался на двери. Не мигал лишний раз. Не терял фокус.

Ждать было нечего. Он всё равно ждал.

Дверь открылась без скрипа. Он заметил это не сразу — сначала изменился воздух. Потом уже движение. Керри вышла спокойно, будто просто вышла подышать, закрыла за собой дверь, задержала ладонь на ручке на секунду дольше, чем нужно, и только потом отпустила. Она не спросила разрешения. Просто подошла и села рядом, оставив между ними расстояние, но не настолько, чтобы оно стало границей.

Каллен не повернул головы. Дым ушёл в сторону.

— Ты так и не ответил.

Он сделал затяжку, не спеша, выдохнул, проследил взглядом, как дым разрывается ветром. Только после этого повернулся. Не полностью — чуть.

— Напомни.

Керри не улыбнулась сразу. Сначала посмотрела на него внимательно, как будто примерялась, потом всё-таки позволила уголку губ чуть подняться.

— Ты с ней встречаешься?

Каллен молчал. Взгляд ушёл в сторону, туда, где асфальт был чуть темнее — влажный участок, оставшийся после утреннего дождя. Пауза затянулась, но не провисла.

— Нет. — Коротко ответил он. Без движения плеч, без изменения голоса.

Керри кивнула, будто слышала больше, чем он сказал.

— Тогда что тебя держит?

Он усмехнулся. Не ей — в сторону. Задержал сигарету у губ, но не затянулся. Пальцы чуть сжались. Ответ не пришёл сразу. И это было заметно.

— Ничего, — сказал он, и только потом добавил, тише. — Пойдём.

Это прозвучало не как согласие. Как уступка. Керри на секунду отвела взгляд, как будто фиксируя это, потом снова вернулась к нему.

— Ты резко на слова Миры среагировал.

Каллен посмотрел на неё уже прямо. Без улыбки.

— В душу лезть не надо.

Слова легли тяжело, без попытки смягчить. Он не повышал голос, но в паузе после них стало теснее. Керри подняла ладони, не отодвигаясь.

— Поняла.

И тихо усмехнулась, коротко, почти беззвучно, не обесценивая, а принимая как есть.

Они замолчали. Сигарета догорела до фильтра. Каллен потушил её о край подошвы, медленно, с нажимом, будто это было важнее, чем сам разговор.

Дверь снова открылась. Сайла вышла без спешки, закрыла за собой дверь аккуратно, почти без звука, и на секунду

остановилась, давая глазам привыкнуть к свету. Она не искала их — знала, где они. Каллен поднялся сразу. Движение получилось резче, чем нужно, и он почти сразу сместился на шаг в сторону, разворачиваясь так, чтобы ветер шёл от неё к нему. Запах сигарет ещё держался.

Керри коснулась его предплечья легко, почти невесомо.
— Подожду тебя внутри.

Она прошла мимо, к двери, не оглядываясь. Сайла всё это время стояла, наблюдая. Не вмешиваясь. Когда Керри исчезла внутри, между ними осталось пространство — чистое, без слов. Девушка слабо улыбнулась на прощание Каллену и уже развернулась, чтобы уйти.

Каллен потянулся к ней быстрее, чем решил это сделать. Пальцы сомкнулись на левом запястье, как будто он уже делал это раньше. Кожа под рукой оказалась холоднее, чем он ожидал. Сайла дёрнулась резко. Не от страха — от самого касания. Сорвавшееся короткое болезненное шипение было почти беззвучным, но тело ушло из его руки сразу.

Пальцы разжались мгновенно, будто он и сам не рассчитывал. Пауза между ними стала плотнее. Не длиннее — тяжелее. Сайла не отступила. Просто чуть выровнялась, возвращая себе центр, и снова посмотрела на него. Без всплеска. Без попытки закрыться.

Каллен провёл языком по зубам, задержал дыхание на секунду, потом выдохнул.

— Ты... зачем ты опять к ней ходила?

Он кивнул, но это движение было коротким, резким, больше для себя, чем для неё. Плечо чуть дёрнулось, будто он хотел сказать что-то сразу, но сдержался. Сайла отвела взгляд в сторону. После невинно пожала плечами.

— Отца я тоже навестила.

Каллен отвёл взгляд, провёл рукой по затылку, медленно, с нажимом, потом снова вернулся к ней.

— Зачем?

Голос стал ниже. Сайла молчала. Он сделал шаг ближе, но не до конца — остановился на полпути, будто сам себе выставил границу.

— Твоё дело для Итана связано с родителями?

Она не ответила. Даже не попыталась.

Каллен шумно выдохнул. Воздух вышел резко, с остатком табачной горечи, и Сайла чуть сморщила нос. Это движение было почти незаметным, но он его уловил. Сразу. И тут же сместился, разворачивая корпус, убирая поток от неё.

— Чего ты добиваешься?

Он задержал на ней взгляд дольше, чем нужно. Как будто пытался поймать момент, в котором ещё можно было сказать мягче. Не поймал. Челюсть сжалась. Слова вышли сразу, без раздумий.

— Ты хочешь вытащить свою поломанную мать из психушки?

Голос прозвучал ниже, чем обычно, с хрипом на выдохе. Не резкий удар — скорее давление, которое копилось и на-

шло выход. Он не повысил тон, не двинулся вперёд. Просто сказал. И после этого не отвёл взгляд.

Сайла не изменилась в лице. Ни морщины, ни сдвига в бровях. Только дыхание стало чуть глубже — почти незаметно, если не смотреть внимательно. Она выдержала паузу, не пытаясь заполнить её словами. И не ответила.

Каллен ждал. Секунда. Вторая. Пальцы на руке едва заметно сжались, ногти впились в ладонь, но он не пошевелился. Взгляд не отрывался. Она посмотрела на него ещё мгновение, а после слабо улыбнулась на прощание.

— Хорошо провести вечер... С Керри.

Слова легли ровно. Без нажима. Без скрытого смысла, который можно было бы зацепить и развернуть обратно. Сайла развернулась. Плечи остались прямыми, шаг — ровным. Не быстрым. Не медленным. Она не пыталась уйти быстрее, чем нужно.

Каллен остался стоять. Внутри что-то дернулось — не резко, а как короткий сбой в дыхании. Он сделал шаг вперёд, почти сразу, как она отвернулась, но остановился на полпути. Рука поднялась, пальцы разжались, будто собираясь поймать её за локоть, за край рукава, за что угодно.

Не дотянулся.

— Сайла...

Имя вышло тише, чем он рассчитывал, и прозвучало как проба, а не как попытка остановить. Он сам это услышал. Замолчал.

Она не остановилась.

Каллен стоял ещё секунду, глядя ей в спину. Взгляд зацепился за линию плеч, за движение руки, за то, как она не ускоряется и не оборачивается. Ничего не даёт. Он открыл рот снова. Воздух вошёл резко, будто перед словами, которые уже должны были выйти.

Не вышли. Челюсть сжалась сильнее. Он отвернулся первым. Шаг назад. Плечи опустились. Ладонь прошлась по лицу, задержалась на переносице, пальцы чуть надавили, как будто это могло чем-то помочь. Не помогло.

Когда он убрал руку, взгляд уже не возвращался к дороге. Только в сторону здания. Туда, где всё ещё было движение, где не нужно было договаривать до конца. Каллен остался стоять на месте. С тем же шагом вперёд, который так и не стал шагом.

Глава 7

Каллен стоял на бетонном балконе вполоборота к улице, плечом упираясь в ледяную стену, и курил уже не первую сигарету — это было видно по плотному, липкому слою дыма, который не успевал рассеиваться. Внизу редкие машины проезжали, оставляя за собой короткий гул и черные полосы от шин на фоне белоснежного снега. Экран телефона светился в ладони, тускло отражаясь в отражении стёкл.

Он пролистал список ещё раз, хотя уже знал, что там ничего нет. Ни имени. Ни пропущенных. Ни короткого «где ты». Пальцы на секунду зависли, затем экран погас. Каллен убрал телефон в карман, сделал затяжку, медленно выдохнул, и почти сразу снова достал его. Разблокировал. Та же пустота. Ни нового сообщения, ни старого, на которое можно было бы зацепиться. Он задержал взгляд на экране дольше, чем нужно, потом резко нажал на кнопку и убрал телефон обратно.

Дым пошёл в сторону улицы, но ветра почти не было, и запах вернулся обратно, оседая на коже. Каллен не двигался. Только челюсть периодически сжималась, едва заметно, как будто он пробовал что-то на зуб. Пепел с сигареты упал на перила, он стряхнул остаток, не глядя.

Сзади тихо открылась дверь. Каллен не обернулся сразу — только втянул дым глубже, чем нужно, и медленно выдох-

нул в сторону улицы. Шаги — лёгкие, почти босые. Ткань коснулась спины, затем руки — мягко, без спешки, обвились вокруг живота. Тёплое тело прижалось, и чужое дыхание упёрлось в затылок.

— Не спится? — голос Керри был ниже обычного, с хрипотцой сна.

Она потянулась чуть вперёд, подбородок коснулся его плеча, взгляд скользнул вниз — к телефону. Каллен уже нажал на кнопку, экран погас. Рука сама опустилась, закрывая.

— Возникли дела? — спросила она, будто невзначай, но пальцы на его животе чуть сжались.

Каллен провёл языком по внутренней стороне щеки, задержал дым во рту и только потом выдохнул.

— Хорошо, что спросила, — он коротко кивнул самому себе, будто решение уже было принято. — Одевайся. Едем к Рейку.

Пауза. Не больше секунды. Керри не отстранилась, наоборот — прижалась сильнее, ладонь скользнула вниз, под край его шорт, пальцы медленно провели по ворсистой коже. Губы коснулись кожи у основания шеи, почти лениво, но точно.

— Можем чуть позже поехать, — выдохнула она, уже ниже, ближе к уху. — Итан никуда не денется.

Её рука пошла ещё ниже, уверенно, без колебаний, будто знала маршрут наизусть. Каллен не дёрнулся. Только челюсть сжалась сильнее, и он не сразу затушил сигарету — прижал её к бетону, медленно, пока табак не треснул под дав-

лением.

— Ненасытная, — пробормотал он, поворачиваясь к ней.

Он развернул Керри спиной к себе, ладони легли на её бёдра, скользнули вверх и вниз, оценивая, как всегда — коротко, без лишнего. Затем — резкий хлопок по ягодице. Не сильно, но достаточно, чтобы звук разрезал тишину.

— Одевайся.

Она улыбнулась — уголком губ, без обиды. Только взгляд задержался на нём на долю секунды дольше, чем обычно, будто что-то отметила, зафиксировала, а потом ушла в комнату, не спеша. Каллен остался на балконе. Пальцы снова потянулись к пачке, но он остановился на полпути. Посмотрел на ладонь, сжал её, разжал. Достал телефон. Экран загорелся — пусто. Он провёл по нему пальцем, будто проверяя, не завис ли.

Заблокировал. И только тогда зашёл внутрь.

Дверь закрылась за спиной глухо, без щелчка — просто утонула в коробке, и воздух внутри сразу сменился. Не легче. Другой. Более вязкий, слабо сладкий, липкий на языке. Краска почти ушла, уступив месту клею — сырому, тянущемуся, будто его можно было почувствовать не только носом, но и кожей.

Каллен остановился на секунду в проёме, не заходя дальше. Вдохнул. Слишком глубоко. Горло отозвалось сухостью, и он чуть повёл плечом, как будто это могло стряхнуть ощу-

щение. Рядом Керри тоже замедлилась, но не из-за запаха — она просто смотрела вперёд, уже выхватывая детали.

Шаги эхом ушли в коридор и поднялись на второй этаж.

Итан сидел у стены, на корточках, будто не дошёл до чего-то и застрял на полпути. Спина упиралась в бетон, голова чуть опущена, подбородок почти касался груди. Пальцы правой руки с силой сжимали левое плечо, так, что ткань футболки собралась в складки, и под ними угадывалось напряжение, неровное, рваное. Губы двигались — быстро, почти судорожно, но звука не было, только сухое трение.

Он не поднял голову. Не повернул. Даже не вздрогнул.

Каллен сделал ещё шаг, остановился ближе, чем обычно позволял себе с чужими — на расстоянии, где запах уже должен был быть очевиден. Клей, пот, усталость, металл — всё это было. Но реакции не было.

— Рейк.

Голос прозвучал резко, почти грубо — не громко, но с нажимом, который обычно цеплял.

Тот дёрнулся так, будто звук прилетел не из коридора, а изнутри. Резко вскинул голову, взгляд метнулся мимо, не сразу находя лица, и только потом зафиксировался. На долю секунды — слишком короткую, чтобы назвать её осознанием.

Итан не ответил. Пауза повисла между ними, но не стала тишиной — дыхание оставалось слышным, тяжёлым, сбивчивым, как после бега, который не закончился, а просто обо-

рвался на месте. Он сидел, уткнувшись локтями в колени, пальцы в волосах, будто держал голову, чтобы она не развалилась на части. Потом резко выпрямился, словно вспомнил что-то важное, и взгляд, наконец, зацепился за Каллена — не фиксируясь, а скользя мимо.

— Я... — начал он и тут же ушёл в сторону, — клей другой оказался, надо было раньше брать, он быстрее, но пахнет сильнее, я думал, выветрится, но нет, надо окна держать открытыми, и если кто зайдёт — пусть не дышит глубоко, там ещё слой... я потом закрою, когда подсохнет.

Он прошёл мимо них, почти задевая плечом, развернулся, сделал пару шагов обратно. Речь не держалась на одной линии — перескакивала, цеплялась за детали, которые не были связаны между собой, как будто он пытался удержать сразу всё.

— И ещё звонили. По аренде. Сказали, если успеем до конца недели, они готовы внести аванс. Надо договор посмотреть, я его куда-то... — он запнулся, оглянулся на пустой коридор, будто документ мог лежать прямо на полу, — я найду. И Роан придёт, он обещал распечатать, там ещё...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.